This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

61
55

Изданіе Т-ва „Литература и Наука“ (Спб. 2 рота, д. № 2.)

В. Ѳ. БОЦЯНОВСКІЙ

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ФАКСИМИЛЕ М. ГОРЬКАГО

ИЗДАНІЕ 2-Е ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1903

2 декабрь 903.

БИБЛИОТЕКА
№ 600 III/Б.
В. Е. МАКСИМ

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

Botsianovskii, V. F.

В. Ѳ. БОЦЯНОВСКІЙ

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ФАКСИМИЛЕ **М. ГОРЬКАГО**

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

STANFORD
LIBRARIES

Дозволено цензурою 31 марта 1903 г. С.-Петербургъ.

М. Горький

I.

Существуетъ мнѣніе, въ силу котораго критикъ, разбирающій произведенія того или иного писателя, не долженъ выходить изъ рамокъ этихъ произведеній и не можетъ совершенно касаться ни личности, ни біографіи самаго писателя. Извѣстно, что Гончаровъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ такого взгляда на задачи критики и еще при жизни, въ спеціальной журнальной статьѣ, высказалъ пожеланіе, чтобы его письма не читались ни кѣмъ, кромѣ лицъ, которымъ письма эти были адресованы. Такое желаніе, конечно, и основательно, и нѣтъ. Если критикъ, что дѣйствительно иногда бываетъ, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія интимныя, не имѣющія никакого значенія для пониманія писателя, какъ писателя, свѣдѣнія, то онъ въ этомъ случаѣ выполняетъ функціи простой сплетницы, ничего общаго съ литературой не имѣющія. Такого рода пользованіе фактами лич-

ной жизни писателя, конечно, не только не желательно, но прямо-таки не позволительно. Но, бываютъ случаи, когда біографическія свѣдѣнія, способствуя уясненію писателя, проливаютъ на его сочиненія новый свѣтъ, не говоря уже, о томъ, что каждый выдающійся писатель представляетъ большій интересъ самъ по себѣ, какъ личность, какъ одинъ изъ фактовъ культурной жизни общества. Какъ много непонятнаго осталось бы для насъ въ сочиненіяхъ, напримѣръ, Бѣлинскаго, если бы мы не знали біографіи и личнаго характера «неистоваго Виссаріона!» Марлинскій казался своимъ современникамъ и даже такимъ тонкимъ критикамъ, какъ Бѣлинскій, ходульнымъ неискреннимъ писателемъ, надѣлявшимъ своихъ «героевъ» необычайными, вымышленными характерами. Слава «сочинителя» удержалась за Марлинскимъ до самаго послѣдняго времени, и только теперь, благодаря обнародованію его писемъ и разнаго рода біографическихъ свѣдѣній, начинаютъ понемногу смотрѣть на этого писателя-романтика съ надлежащей точки зрѣнія, начинаютъ вѣрить въ его искренность. Примѣровъ такого рода можно было бы привести довольно много. И мнѣ кажется, что чѣмъ субъективнѣе писатель, тѣмъ необходимѣе, для его пониманія, знать его біографію, имѣть свѣдѣнія о его личной жизни.

Талантливый писатель Максимъ Горькій, о произведеніяхъ котораго будетъ рѣчь ниже, при-

надлежитъ именно къ этой категоріи. Говоря это, я далекъ отъ мысли, что безъ очерка личной жизни нельзя понять успѣха его произведеній. Я, въ этомъ случаѣ, совершенно не согласенъ съ г. Меньшиковымъ, который въ своей статьѣ, посвященной Горькому, пытается объяснить успѣхъ этого писателя его не вполнѣ обычной біографіей, тѣмъ, что онъ и по рожденію и по образованію «самородокъ», самолично видѣвшій и пережившій всѣ ужасы нищеты, безработицы, бродяжничества, грубаго труда и т. д. «Цѣлый рядъ писателей, — намекаетъ г. Меньшиковъ, — только тѣмъ и пріобрѣли нѣкоторую извѣстность, что вышли изъ крестьянъ...» Это наблюденіе, быть можетъ, и справедливо, но какъ всякое, при томъ слишкомъ общее правило, допускаетъ исключенія. Примѣромъ можетъ служить хотя бы отношеніе читателей и критики къ Николаю Полевому, этому дѣйствительно замѣчательному «самородку» изъ купцовъ, не получившему никакого образованія и, тѣмъ не менѣе, сдѣлавшемуся выдающимся журналистомъ и критикомъ. Его біографія не только не пособила его славѣ, но, наоборотъ, всегда служила орудіемъ, которымъ, нерѣдко довольно жестоко, пользовались для его дискредитированія, которое всегда пускалось въ ходъ съ цѣлью его унизить. И раньше, и теперь встрѣчали сочувственное отношеніе къ себѣ лишь «самородки» опредѣленнаго типа, «самородки», молчалинствовавшіе, если такъ можно

выразиться. Популиризировали, правда, разнаго рода Алипановыхъ, да и другихъ многихъ, вездѣ, но не почему иному, какъ потому, что можно было играть по отношенію къ нимъ роль благодѣтелей, меценатовъ. А разъ «самородокъ» объ этомъ не просилъ и дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, то его біографія только тормозила его популярность, такъ какъ давала матеріалъ для всякаго рода инсинуацій. И если Полевой пріобрѣлъ себѣ въ свое время огромную популярность, если онъ обезпечилъ себѣ навсегда мѣсто въ исторіи литературы, то совсѣмъ не потому, что онъ былъ «самородокъ». Въ еще бо́льшей степени справедливо это по отношенію къ Горькому. Его произведенія обратили на себя всеобщее вниманіе и пріобрѣли молодому писателю горячихъ поклонниковъ совершенно независимо отъ его біографіи, которая была извѣстна весьма немногимъ. Да и теперь еще очень многіе съ нею незнакомы и, тѣмъ не менѣе, очень высоко цѣнятъ неизвѣстнаго имъ автора... Говорить, поэтому, о крупной роли, которую будто бы сыграли или играютъ біографическія свѣдѣнія въ необыкновенно быстромъ развитіи все возрастающей популярности Максима Горькаго, какъ это дѣлаетъ г. Меньшиковъ, не приходится. Свѣдѣнія эти могутъ имѣть лишь значеніе для болѣе вѣрнаго пониманія произведеній этого писателя, и потому я считаю не только возможнымъ, но и важнымъ прежде всего привести его біографію.

II.

Дѣйствительно, біографія Максима Горькаго несовсѣмъ обычна. Пишущій подъ этимъ псевдонимомъ Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, родился 14 марта 1869 года[1]), въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ семьѣ красильщика Василія Каширина отъ дочери его Варвары и пермскаго мѣщанина Максима Савватіева Пѣшкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. Дѣдъ Горькаге со стороны отца былъ офицеромъ, котораго Николай I разжаловалъ въ солдаты за жестокое обращеніе съ нижними чинами.

Это былъ человѣкъ настолько крутой, что отецъ Горькаго съ десятилѣтняго возраста де семнадцати лѣтъ пять разъ бѣгалъ отъ него. Послѣдній разъ ему удалось бѣжать изъ семьи своей навсегда, и онъ пѣшкомъ пришелъ изъ Тобольска въ Нижній-Новгородъ, гдѣ поступилъ въ ученики къ драпировщику. По разсказамъ его матери, бабушки Горькаго, это былъ умный, добрый и очень веселый человѣкъ. Повидимому,

---

[1]) Въ основу настоящаго біографическаго очерка положена не напечатанная до сихъ поръ и хранящаяся въ архивѣ извѣстнаго критика С. А. Венгерова біографія М. Горькаго. Пользуюсь случаемъ выразить г. Венгерову благодарность за данную имъ мнѣ возможность воспользоваться этими интересными свѣдѣніями.

онъ отличался нѣкоторыми способностями и зналъ грамоту, такъ какъ, уже будучи двадцати двухъ лѣтъ, занималъ видную должность управляющаго конторой пароходства Колчина (нынѣ Карповой) въ Астрахани, гдѣ въ 1873 году умеръ отъ холеры, заразившись этой болѣзнью отъ своего сына (Горькаго).

Дѣдъ со стороны матери началъ свою карьеру бурлакомъ на Волгѣ. Черезъ три путины онъ былъ уже приказчикомъ на караванѣ балахнинскаго купца Заева[1]), потомъ занялся окраской пряжи, разжился и открылъ въ Нижнемъ-Новгородѣ красильное заведеніе на широкихъ началахъ. Будучи дѣловымъ и практичнымъ, онъ, спустя самое непродолжительное время, владѣлъ уже нѣсколькими домами въ городѣ, имѣлъ три мастерскихъ для набойки и окраски матеріи, былъ выбранъ въ цеховые старшины, но, прослуживъ въ этой должности три трехлѣтія, отказался отъ нея оскорбленный тѣмъ, что его не выбрали въ ремесленные головы... Будучи очень религіознымъ, онъ въ то же время былъ до жестокости деспотичнымъ и болѣзненно скупымъ. Проживъ 92 года, онъ за годъ до смерти (въ 1888 г.) сошелъ съ ума.

Отецъ и мать Горькаго обвѣнчались «самокруткой». Богатый и гордый дѣдъ не могъ, конечно, выдать свою любимую дочь за безроднаго

---

[1]) Упоминается въ романѣ «Ѳома Гордѣевъ».

и небогатаго человѣка, какимъ представлялся ему отецъ Горькаго. Семейная обстановка, въ которой проходило дѣтство Горькаго, не представляло собой ничего благопріятнаго для его развитія. Четырехъ лѣтъ онъ потерялъ отца. Мать, вскорѣ затѣмъ вышедшая замужъ второй разъ, передала его совершенно на руки дѣда, который, научивъ внука читать по псалтырю и часослову, опредѣлилъ его въ школу, гдѣ ему пришлось пробыть всего только пять мѣсяцевъ. Заразившись оспой, Горькій кончилъ ученіе и больше ужъ его не возобновлялъ. Въ это время мать умерла отъ скоротечной чахотки, а дѣдъ разорился. Изъ родственниковъ только одна бабушка, чрезвычайно добрая и самоотверженная старушка, любила мальчика, остальные же относились къ нему, если не враждебно, то совершенно равнодушно. Никто изъ нихъ поэтому не позаботился даже, чтобы дать мальчику хотя бы первоначальное образованіе и, по достиженіи имъ девятилѣтняго возраста, его отдали въ «мальчики» въ магазинъ обуви, но мѣсяца черезъ два онъ сварилъ себѣ руки кипящими щами и былъ отосланъ хозяиномъ вновь къ дѣду.

По выздоровленіи, его отдали въ ученики къ чертежнику, дальнему родственнику, но черезъ годъ, вслѣдствіе очень тяжелыхъ условій жизни, Горькій убѣжалъ отъ него и поступилъ на пароходъ въ ученики къ повару. Это былъ гвардіи отставной унтеръ-офицеръ Михаилъ Акимовъ

Смурый, человѣкъ сказочной физической силы, грубый, очень начитанный. Онъ возбудилъ въ Горькомъ интересъ къ чтенію книгъ. Первой понравившейся Горькому «до безумія» книгою— была брошюра «Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго». У Смураго былъ цѣлый сундукъ, наполненный преимущественно маленькими томиками въ кожаныхъ переплетахъ, и это была самая странная библіотека въ мірѣ. Эккартгаузенъ лежалъ рядомъ съ Некрасовымъ, Анна Радклифъ съ томомъ «Современника», тутъ же была «Искра» за 1864 годъ, «Камень Вѣры» и книжки на малорусскомъ языкѣ.

Почувствовавъ симпатію къ печатному слову, Горькій усердно принялся за чтеніе всего, что только ни попадало ему подъ руку. Одно за другимъ онъ перечиталъ такія «классическія произведенія неизвѣстныхъ авторовъ», какъ «Андрей Безстрашный», «Японча», «Яшка Смертенскій», «Гуакъ или непреоборимая вѣрность» и т. п. Поваръ Смурый заставлялъ его читать Житія Святыхъ, Эккартгаузена, Гоголя, Глѣба Успенскаго, Дюма-отца и многія книжки франкъ-массоновъ. Чтеніе книгъ романтически-сказочнаго характера, въ которыхъ разнаго рода герои совершаютъ необыкновенные подвиги, съ ранняго дѣтства настраивало Горькаго на героическій ладъ и, быть можетъ, привило ему ту неудовлетворенность будничной сѣренькой жизнью, то исканіе чего-то высшаго, героическаго, кото-

рое съ такой силой проявилось въ его позднѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, чтеніе возбудило въ Горькомъ потребность болѣе или менѣе систематическаго ученія, которое было прервано имъ въ дѣтствѣ. Послѣ 15-ти лѣтъ, онъ возымѣлъ «свирѣпое желаніе» учиться, съ какою цѣлью поѣхалъ въ Казань, предполагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Оказалось, что «оное не принято», вслѣдствіе чего онъ поступилъ въ крендельное заведеніе по 3 рубля въ мѣсяцъ. Это была самая тяжелая изъ всѣхъ опробованныхъ имъ работъ, если не считать непродолжительной работы на соляныхъ промыслахъ, картинку которой онъ далъ въ небольшомъ очеркѣ «На соли» [1]). Обладая теноромъ, впослѣдствіи пропавшимъ, Горькій, чувствовавшій любовь къ пѣнію, поступилъ въ 1888 или 1889 году въ хоръ, который въ это время набиралъ оперный антрепренеръ Орловъ-Соколовскій. Этотъ эпизодъ интересенъ въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ Горькимъ явился на пробу голоса его другъ Шаляпинъ, который, однако, былъ забракованъ [2]).

Въ этотъ періодъ жизни онъ получилъ возможность близко изучить среду «бывшихъ людей», въ которой онъ довольно долго жилъ, и

---

[1]) «Самарская Газета», 1895 г., № 18, 21.

[2]) «Харьковскій Листокъ», 1902 г., № 822. «Кіевское Слово», 1902 г., № 5324.

потому его разсказы «Коноваловъ» «Мой спутникъ», «Дѣло съ застежками» и «Бывшіе люди», являясь вполнѣ правдивымъ отраженіемъ его личнаго житья въ это время, имѣютъ почти автобіографическое значеніе. По нимъ можно составить себѣ довольно опредѣленное понятіе не только о фактахъ внѣшней жизни Горькаго, но, отчасти, также и о его внутреннемъ настроеніи. Наравнѣ съ бывшими людьми онъ работалъ на Устьѣ, пилилъ дрова, таскалъ грузы, задыхался въ булочной... Въ то же время, каждою свободной минутой онъ пользовался для того, чтобы сѣсть за книжку, почитать, подумать надъ вопросами, которые часъ-отъ-часу становились все болѣе и болѣе «проклятыми», все болѣе и болѣе мучительными. Рѣшать эти вопросы и читать книги можно было, конечно, только урывками, во время коротенькихъ досуговъ, остававшихся между дѣломъ. Найдя себѣ внимательнаго слушателя и собесѣдника въ лицѣ своего начальника пекаря Коновалова, Горькій нерѣдко превращалъ душныя стѣны пекарни въ аудиторію. Посадятъ, бывало, хлѣбъ въ печь, а сами за книжку. И вотъ стѣны пекарни выслушиваютъ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова, «Бунтъ Стеньки Разина» Костомарова, «Тараса Бульбу» Гоголя, «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго и т. д. и т. д. «Подлиповцы» были прочитаны Горькимъ въ теченіе одной ночи. Посадятъ печь, приготовятъ другую и опять за чтеніе, а тамъ начинаются дебаты по поводу прочитаннаго, о дѣй-

ствіяхъ героевъ, о смыслѣ жизни и т. д. и т. д. Праздники давали возможность Горькому и Коновалову выходить на время изъ той въ полномъ смыслѣ слова ямы, какою была пекарня, на свѣжій воздухъ, пожить на лонѣ природы, повидать людей.

«Въ праздники, — говорится объ этомъ времени въ разсказѣ «Коноваловъ», — мы съ Коноваловымъ уходили за рѣку, въ луга. Мы брали съ собой немного водки, хлѣба, книгу и съ утра отправлялись «на вольный воздухъ», какъ называлъ Коноваловъ эти экскурсіи. Намъ особенно нравилось бывать въ «стеклянномъ домѣ». Такъ почему-то называлось зданіе, стоявшее недалеко отъ города въ полѣ. Это былъ трехъэтажный, каменный домъ, съ провалившейся крышей, съ изломанными рамами въ окнахъ, съ подвалами, все лѣто полными жидкой пахучей грязи. Зеленовато-сѣрый, полуразрушенный, какъ бы опустившійся, онъ смотрѣлъ съ поля на городъ темными впадинами своихъ изуродованныхъ оконъ и, огражденный лужами отъ частыхъ визитовъ полиціи, хотя у него не было крыши, давалъ кровъ разнымъ темнымъ и безпріютнымъ людямъ. Ихъ всегда было много въ немъ; оборванные, полуголодные, боящіеся солнечнаго свѣта, они жили въ этой развалинѣ, какъ совы, и мы съ Коноваловымъ всегда были среди нихъ желанными гостями, потому что и онъ, и я, уходя изъ пекарни, брали по короваю бѣлаго хлѣба,

дорогой покупали четверть водки и цѣлый лотокъ «горячаго»—печенки, легкаго, сердца, рубца. На два-три рубля мы устраивали очень сытное угощеніе «стеклянным людямъ», какъ ихъ называлъ Коноваловъ. Они платили намъ за эти угощенія разсказами, въ которыхъ ужасная, душу потрясающая правда фантастически перепутывалась съ самой наивной ложью. Каждый разсказъ являлся предъ нами кружевомъ, въ которомъ преобладали черныя нити — это была правда, и встрѣчались нити яркихъ цвѣтовъ — ложь. Такое кружево падало на мозгъ и сердце и больно давило и то, и другое, сжимая его своимъ жесткимъ, мучительно разнообразнымъ рисункомъ. «Стеклянные люди» по-своему любили насъ и почти всегда были моими внимательными слушателями. Разъ я читалъ имъ «Кому на Руси жить хорошо» и, наряду съ гомерическимъ хохотомъ, я услыхалъ отъ нихъ много очень цѣнныхъ сужденій на эту тему».

Путешествія эти, сопровождавшіяся всегда длиннѣйшими и горячими спорами о правахъ людей на свободное и независимое существованіе, о правѣ ихъ какъ угодно распоряжаться своей личностью, о «безпокойныхъ людяхъ», не разъ подвергали Горькаго всякаго рода непріятностямъ.

«Однажды, — повѣтствуется въ томъ же разсказѣ, — мы едва не утонули въ какой-то трясинѣ, другой разъ мы попали въ облаву и но-

чевали въ части вмѣстѣ съ двумя десятками разныхъ пріятелей изъ «стекляннаго завода», съ точки зрѣнія полиціи оказавшихся подозрительными личностями».

Иногда не хотѣлось философствовать, и Горькій со своимъ спутникомъ отправлялись далеко въ луга, за рѣку, гдѣ были маленькія озера, изобиловавшія мелкой рыбой, зашедшей въ нихъ во время половодья. Въ кустахъ, на берегу одного изъ такихъ озеръ, они зажигали костеръ, который былъ имъ нуженъ лишь потому, что увеличивалъ красоту обстановки, и читали книгу или бесѣдовали о жизни. А иногда Коноваловъ задумчиво предлагалъ:

— «Максимъ! давай въ небо смотрѣть!»

«Мы,—разсказывается объ этомъ времяпрепровожденіи въ повѣсти «Коновалова»,—ложились на спины и смотрѣли въ голубую бездонную бездну надъ нами. Сначала мы слышали и шелестъ листвы вокругъ насъ, и всплески воды въ озерѣ, чувствовали подъ собой землю и вокругъ себя все то, что въ ту пору было тутъ... Потомъ постепенно голубое небо, какъ бы притягивавшее насъ къ себѣ, облекало наше сознаніе въ туманъ, мы утрачивали чувство бытія и, какъ бы отрываясь отъ земли, точно плавали въ пустынѣ небесъ, находясь въ полудремотномъ, созерцательномъ состояніи и стараясь не разрушать его ни словомъ, ни движеніемъ. Такъ пролеживали мы по нѣскольку часовъ кряду и воз-

вращались домой къ работѣ, духовно и тѣлесно обновленные и освѣженные этимъ единеніемъ съ природой». Временный подъемъ духа, получавшійся отъ соприкосновенія съ природой, пропадалъ, однако, сразу же, какъ только Горькому приходилось изъ-подъ голубого неба идти въ свою сырую и мрачную яму. Эти контрасты сдѣлались для него особенно тяжелыми послѣ того, какъ онъ познакомился со студентами, началъ бывать въ кружкахъ самообразованія и вкусилъ яда молодой, бодрой и кипучей кружковой жизни. О его настроеніи въ это время лучше всего можно составить себѣ понятіе по разсказу «Однажды осенью». Въ немъ описанъ герой, который, очутившись безъ гроша въ карманѣ и безъ квартиры, безплодно искалъ работы и мучился настолько голодомъ, что, «шлепая по сырому песку, упорно разглядывалъ его съ желаніемъ открыть въ немъ какіе-нибудь остатки питательныхъ веществъ». Положеніе его было тѣмъ болѣе ужасно, что онъ въ это время испытывалъ не только физическія, но и нравственныя страданія. «Подумайте!—восклицаетъ герой разсказа, — вѣдь я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была даже для авторовъ ихъ,—я въ то время всячески старался приготовить изъ

себя «крупную общественно-активную силу». Мнѣ казалось даже, что отчасти я уже выполнилъ мою задачу; во всякомъ случаѣ въ то время я въ представленіяхъ о себѣ самомъ уже доходилъ до признанія за собой исключительнаго права на существованіе, какъ за величиной для жизни, необходимой и вполнѣ способной сыграть въ ней крупную историческую роль»! Результатомъ этихъ страданій было, въ 1888 г., покушеніе на самоубійство, не имѣвшее, къ счастью, смертельнаго исхода. «Прохворавъ, сколько требовалось,—добродушно вспоминаетъ Горькій,—я ожилъ, дабы приняться за торговлю яблоками».

Послѣ Казани Горькій пробуетъ счастья въ Царицынѣ, гдѣ занимаетъ должность желѣзнодорожнаго сторожа. О вступленіи его на эту службу и первыхъ служебныхъ шагахъ на ней Горькаго имѣется интересный разсказъ г. Безобиднаго, который поступилъ на эту же дорогу нѣсколько раньше.

«Пріѣхалъ Горькій къ намъ, — вспоминаетъ г. Безобидный [1]),—не помню, въ числѣ троихъ или четверыхъ,—уже въ концѣ осени. Аммуниція на немъ была—«веретеномъ стряхнуть», какъ говорится. Какъ онъ во время холодной осени почти въ лѣтнемъ костюмѣ, и при томъ далеко «не первой молодости», доѣхалъ до насъ, одному Богу извѣстно. На его бѣду, какъ разъ ни одного

[1]) «Витебск. Губ. Вѣд.», 1901 г., № 35 (14 февр.).

свободнаго мѣста вѣсовщика у насъ въ это время не было. А конторщикомъ онъ быть не могъ. Составили мы, подъ предсѣдательствомъ начальника товарнаго отдѣла, совѣтъ. Въ совѣтѣ участвовалъ и г. М. Горькій, но лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса. Сколько мы не совѣщались, — ничего не вышло: свободнаго мѣста вѣсовщика нѣтъ, взять его неоткуда и придумать его никакъ нельзя.

— «Придется вамъ нѣсколько обождать,—говоримъ новому пришельцу».

— «Да не согласится ли онъ занять должность сторожа?—кто-то, не помню, предложилъ на совѣтѣ.—По линіи, на какой-нибудь станціи, ужъ, навѣрное, есть мѣсто сторожа на погрузномъ дворѣ».

«Мы переглянулись».

— «На время, развѣ? До перваго вакантнаго мѣста вѣсовщика?—нѣсколько колеблясь, согласились мы».

«Никому изъ насъ и въ голову не приходило, что г. Пѣшковъ на такое предложеніе можетъ обидѣться. Каждый изъ насъ, въ случаѣ надобности, занялъ бы мѣсто сторожа и не нашелъ бы въ этомъ для себя ничего обиднаго и оскорбительнаго. Вопросъ могъ быть только въ томъ, способенъ ли человѣкъ, по своимъ физическимъ силамъ, исполнять ту или иную работу».

— «Да я... съ удовольствіемъ!—весело и рѣшительно отвѣчалъ г. Пѣшковъ,—хоть заутро...»

«Я взглянулъ на его костюмъ и улыбнулся».

— «Ну, это дѣло маленькое, одежду можно купить,—отвѣчалъ онъ на вопросительный взглядъ».

«Мы согласились».

«Выдали г. Пѣшкову нѣкоторую сумму «авансомъ» на покупку костюма».

«Въ тотъ же день, къ вечеру, является къ намъ въ контору г. Пѣшковъ въ полушубкѣ и валенкахъ».

— «И шапку,—говоритъ онъ,—съ рукавицами купилъ. Остается только хорошую дубину достать».

«Вволю мы посмѣялись, вручили ему по всей формѣ написанное «свидѣтельство» о назначеніи его сторожемъ погрузного двора на станціи,—кажется, «Токаревка» или «Бурналъ», съ достовѣрностью сказать не могу, — и отправили по назначенію».

Служба Горькаго пошла хорошо, и, спустя нѣкоторое время, онъ писалъ г. Безобидному:

«Живу я по прежнему хорошо, съ товарищами по службѣ (сторожами) сошелся, обязанности свои постигъ въ совершенствѣ и исполняю ихъ въ точности. Начальникъ станціи мною доволенъ и, въ знакъ своего расположенія и довѣрія ко мнѣ, заставляетъ меня каждое утро выносить помои изъ его кухни. Прошу отвѣтить, входитъ ли въ кругъ моихъ прямыхъ обязанностей таскаціе помой изъ кухни начальника станціи».

Черезъ нѣкоторое время Горькій получилъ должность завѣдующаго желѣзнодорожными метлами и брезентами.

Насколько, однако «хорошо» жилось Горькому въ должности ночного сторожа, можно судить по эпизоду, о которомъ онъ самъ разсказывалъ сотруднику «Русскаго Слова», поинтересовавшемуся вопросомъ, отчего у него пропалъ теноръ, благодаря которому нашъ писатель одно время даже какъ бы конкурировалъ съ знаменитымъ теперь Шаляпинымъ.

«Пришлось какъ-то разъ,—разсказываетъ Горькій,—караулить темной осенней ночью груды мѣшковъ съ мукой. Погода стояла отвратительная, дулъ холодный вѣтеръ, шелъ проливной дождь. Въ степи тьма непроглядная, точно чернила... Вдругъ вѣтромъ сорвало брезентъ съ груды мѣшковъ. Дѣлать нечего, пришлось лѣзть на груду, закрывать мѣшки. И вотъ на верху-то груды закрутило, завернуло меня вѣтромъ въ брезентъ и сбросило на полотно. Я такъ сильно ударился о рельсы или что-то другое, что сразу же лишился сознанія... У меня образовалась какая-то странная болѣзнь: вся шея страшно распухла, въ горлѣ сдѣлалось огромнѣйшее нагноеніе, которое едва не задушило меня. Когда докторъ вскрылъ нарывъ, то гноя такъ много шло, что я боялся захлебнуться. Первое время я ничего не могъ говорить. Когда потребовали отъ меня показаніе, то я далъ его письменно, написавъ его на бумагѣ. Говорить я началъ недѣли три спустя послѣ этого да и то шопотомъ Думалъ, что навсегда потеряю голосъ. Но мѣ-

сяца черезъ четыре появился голосъ, только уже не теноръ, а грубый басъ»... [1]).

Какъ ни тяжела была эта служба, Горькій, однако, находилъ время и возможность удовлетворять свои интеллектуальныя потребности, много писалъ и велъ обширную переписку. Какъ разсказываетъ начальникъ одной изъ станцій этой дороги, Горькій чуть не ежедневно получалъ письма. Въ свободное отъ службы время его всегда можно было встрѣтить окруженнаго, толпой «сослуживцевъ» рабочихъ, которымъ онъ читалъ какую нибудь брошюру духовно-нравственнаго содержанія, по географіи, исторіи, астрономіи и т. п. Начитанность Горькаго уже въ это время была настолько велика, что онъ могъ разъяснить своему желѣзнодорожному начальству, кто такіе массоны и даже не разъ поправлялъ канцелярскія бумаги. Начальство было такъ удивлено разносторонними познаніями своего сторожа, что ни какъ не хотѣло повѣрить въ его «домашнее» образованіе, и было глубоко убѣжденно, что «Пѣшковъ — непремѣнно выгнанный студентъ» [2]).

По случаю призыва къ отбыванію воинской повинности Горькій появляется въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ солдаты, однако, онъ не попадаетъ, такъ какъ «дырявыхъ не берутъ», и онъ ста-

---

[1]) «Кіевское Слово», 1902 г., № 5324.

[2]) «Приазовскій Край», 1902 г., № 5 (6 Янв.).

новится продавцомъ баварскаго кваса, а затѣмъ пристраивается письмоводителемъ у присяжнаго повѣреннаго А. И. Ланина. Пользующійся всеобщимъ уваженіемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ А. И. Ланинъ принялъ горячее участіе въ судьбѣ многострадальнаго члена «малярнаго цеха» и, по словамъ самого Горькаго, имѣлъ «неизмѣримо огромное вліяніе» на его образованіе. Такъ же, какъ и въ Казани, Горькій тяготѣлъ къ кружкамъ интересовавшейся проклятыми вопросами молодежи и уже тогда обращалъ на себя вниманіе какъ «душа живая и умница». Въ одномъ изъ такихъ кружковъ, въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ, встрѣтился съ Горькимъ поэтъ А. М. Ѳедоровъ, которому онъ прочелъ свое первое печатное произведеніе—юмористическое стихотвореніе, напечатанное въ «Стрекозѣ» [1]). По словамъ Ѳедорова, Горькій уже тогда обнаруживалъ большой художественный вкусъ и, выслушавъ то или иное стихотвореніе, «дѣлалъ всегда чрезвычайно важныя указанія и чутко улавливалъ малѣйшій проблескъ настроенія...» [2]).

Какъ ни хорошо жилось Горькому въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ отдохнулъ, наконецъ, душой, но его снова потянуло къ бродячей жизни. Почувствовавъ себя, по его выраженію, «не на своемъ мѣстѣ среди интеллигенціи», онъ въ

---

[1]) Разыскать это стихотвореніе намъ не удалось.

[2]) «Россія», 1900 г., № 287 (11 Февр.).

1890 году ушелъ путешествовать. Изъ Нижняго-Новгорода онъ отправился въ Царицынъ, затѣмъ исходилъ Донскую область, Украйну, зашелъ въ Бессарабію, откуда вдоль южнаго берега Крыма, прошелъ на Кубань, въ Черноморье.

Въ октябрѣ 1892 года Горькій жилъ уже въ Тифлисѣ, гдѣ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ этомъ же году, въ мѣстной газетѣ «Кавказъ», онъ напечаталъ свой первый разсказъ «Макаръ Чудра», обнаружившій несомнѣнный талантъ въ начинающемъ авторѣ. Оставивъ черезъ нѣкоторое время Тифлисъ, Горькій опять вернулся на Волгу, въ родные края, и здѣсь началъ писать небольшіе разсказы для казанской газеты «Волжскій Вѣстникъ». Не ограничиваясь провинціальной печатью, Горькій послалъ разсказъ «Емельянъ Пиляй» въ «Русскія Вѣдомости», гдѣ онъ и появился. Счастливая случайность свела Горькаго съ В. Г. Короленко, бывшимъ въ это время въ Нижнемъ-Новгородѣ и принявшимъ большое участіе въ «начинающемъ» писателѣ «Въ 1893—1894 г.,—сообщаетъ Горькій,—я познакомился въ Нижнемъ-Новгородѣ съ В. Г. Короленко, которому обязанъ тѣмъ, что попалъ въ большую литературу. Онъ очень много сдѣлалъ для меня, многое указалъ, многому научилъ». Это значеніе Короленки въ своемъ литературномъ развитіи Горькій особенно подчеркиваетъ въ письмѣ Д. Городецкому. «Напишите объ этомъ,—требуетъ отъ г. Городецкаго Горь-

кій,—непремѣнно напишите: его, Горькаго, училъ писать Короленко, а если Горькій мало усвоилъ отъ Короленко, въ этомъ виновенъ онъ, Горькій. Пишите: первымъ учителемъ Горькаго былъ солдатъ-поваръ Смурый, вторымъ—адвокатъ Ланинъ, третьимъ—Александръ Меѳодіевичъ Калюжный, человѣкъ «внѣ общества», четвертымъ—Короленко»...

Со дня знакомства съ В. Г. Короленко, разсказы Горькаго начинаютъ появляться почти исключительно въ «толстыхъ» журналахъ. Въ 1895 году онъ печатаетъ разсказъ «Челкашъ» въ «Русскомъ Богатствѣ», въ томъ же году появляется его очеркъ «Ошибка» въ «Русской Мысли». Въ 1896 году въ «Новомъ Словѣ» печатаются его разсказы «Тоска» и «Коноваловъ», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» разсказъ «Мальва» и др. Въ то же время, однако, Горькій не оставляетъ и провинціальной прессы. Въ 1895 г. имъ напечатанъ въ «Самарской газетѣ» цѣлый рядъ разсказовъ, подъ общимъ заглавіемъ «Тѣневыя картинки». На страницахъ этой газеты появились «Старуха Изергиль», «Пѣсня о Соколѣ», «На плотахъ», «Скуки ради», «Однажды осенью», а также не вошедшіе въ отдѣльно изданныя книжки разсказы: «На соли», «Сказка» (1895 г., № 162, 168), большой разсказъ: «О маленькой феѣ и молодомъ Чабанѣ» (1895 г., №№ 98, 100—105—107), стихотвореніе «На черноморьѣ» (1895 г., № 71) и др. Кромѣ того, съ весны 1895 г.

(съ № 159) и въ теченіе всего 1896 г. Горькій велъ въ этой же газетѣ маленькій фельетонъ, помѣщая ежедневно свои замѣтки на злобу дня въ рубрикѣ «Между прочимъ» подъ всевдонимомъ Іегудіилъ Хламида и писалъ корреспонденціи въ «Одесскія Новости», куда сообщалъ о Нижегородской выставкѣ. Съ осени 1898 г. произведенія Горькаго помѣщаются исключительно въ журналѣ «Жизнь». На страницахъ этого журнала была, между прочимъ, напечатана самая обширная по объему повѣсть Горькаго «Ѳома Гордѣевъ», помѣщено начало оставшагося неконченнымъ романа «Мужики» и романъ «Трое». Весною 1901 года Горькій, здоровье котораго въ это время какъ-то особенно замѣтно пошатнулось, уѣхалъ вмѣстѣ со своей семьей изъ Нижняго-Новгорода на югъ, въ Ялту, куда его послали доктора [1]). Какъ сообщалось въ газетахъ, въ самой Ялтѣ писателю поселиться не удалось, и онъ нашелъ себѣ дачу въ м. Олеизъ, неподалеку отъ Алупки. Поселившись на югѣ, Горькій часто бывалъ у гр. Л. Н. Толстого, который также въ это время пріѣхалъ сюда для леченія и особенно близко сошелся съ Чеховымъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ небольшомъ уголкѣ крымскаго побережья одновременно собрались виднѣйшіе представители нашей современной ли-

---

[1]) «Le Temps», 1901 г., № 14578, 10 mai.—«Berliner Tagebl.», 1901 г., 5 декабря (н. с.).

тературы. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, Горькій въ 1902 году, получилъ возможность вновь вернуться въ свой родной городъ, посѣтить Петербургъ и Москву.

Ни эти переѣзды, ни условія жизни въ Нижнемъ Новгородѣ, сильно подточившія здоровье писателя, не заставили его ни на минуту прекратить работу. «Безпокойный человѣкъ», Горькій, по выраженію Шаляпина, «ничего не дѣлать не могъ» [1]). Въ результатѣ этой работы явилась пьеса «Мѣщане», прошедшая съ успѣхомъ не только на русскихъ, но даже на заграничныхъ сценахъ [2]), и вторая пьеса «На днѣ», первое представленіе которой состоялось 18-го декабря 1902 года въ Москвѣ, тоже съ полнымъ успѣхомъ [3]).

Для полноты этого литературнаго формуляра нашего писателя необходимо отмѣтить, что въ мартѣ 1902 года императорская Академія Наукъ

---

[1]) «Нов. Дня», 1902 г., 20 апрѣля.

[2]) Одновременно съ постановкой на сценѣ «Мѣщане» вышли также отдѣльной книжкой. По словамъ г. Шаляпина, эта пьеса въ теченіе 15 дней разошлась въ количествѣ 25,000 экземпляровъ.

[3]) Директоръ Художественнаго театра, К. С. Станиславскій, В. И. Немировичъ-Данченко и художникъ г. Сомовъ, желая возможно лучше поставить пьесу «На днѣ», посѣтили цѣлый рядъ ночлежныхъ домовъ, въ которыхъ изучали подробно обстановку «бывшихъ людей», при чемъ г. Сомовъ сдѣлалъ цѣлый рядъ набросковъ. — «Волжск. Вѣстн.», 1902 г., № 184.

избрала Горькаго въ число почетныхъ академиковъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Избраніе это вызвало и въ обществѣ и въ газетахъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ толковъ [1]). Конецъ разговорамъ на эту тему положило появившееся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 10-го марта 1902 г. (№ 56) сообщеніе, что «въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія рус-

---

[1]) «Когда я сегодня,—писалъ кн. Мещерскій, — прочиталъ извѣстіе въ газетѣ объ избраніи въ почетные академики, то-есть въ члены императорской россійской академіи Максима Горькаго, у меня помутило въ глазахъ... Мнѣ показалось, что я читаю въ бреду и вижу не то, что напечатано, а то, что мнѣ замерещилось... Я испугался своего бреда... Но въ ту же минуту входитъ ко мнѣ одинъ знакомый, весь взволнованный, и, задыхаясь, говоритъ: вы читали? Максима Горькаго осмѣлились избрать въ академики! Такъ это не бредъ,—подумалъ я съ ужасною болью на душѣ,— это — фактъ... Вызовъ, брошенный всей образованной Россіи Пушкина и Карамзина, всей вѣрноподданной Россіи — Академію Наукъ, это — историческій фактъ! Насмѣшка надъ всѣми талантами, поруганіе 200 лѣтъ Академіи—это правда! Боже праведный, — воскликнулъ мой знакомый, — куда же мы идемъ? Максимъ Горькій—почетный членъ Академіи! Я засмѣялся. Это въ честь Гоголя? У него унтеръ-офицерша сама себя высѣкла, а члены Академіи сами надъ собою посмѣялись... Молодцы они, превзошли Францію республики! — «Гражд.», 1902 г., № 16, «Свѣтъ», № 58, «Новости», «Бирж. Вѣд.», «Югъ», № 1148, «Сарат. Дневн.», № 50, «Петерб. Газ.», № 60, «Курьеръ», № 60, «Од. Нов.», № 5566, «Волынь», № 55 и мн. др.

скаго языка и словесности и разряда изящной словесности — выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова, привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ ст. 1035 устава уголовнаго судопроизводства,—объявляются недѣйствительными»...

III.

Небольшой по объему разсказъ «Челкашъ», появившійся въ «Русскомъ Богатствѣ, не смотря на то, что былъ подписанъ совершенно неизвѣстнымъ до того времени именемъ, далъ уже поводъ критику «Русской Мысли» признать въ его авторѣ «подлинный талантъ». Сдѣлавъ крайне лестный отзывъ о достоинствахъ самого разсказа, тотъ же критикъ выразилъ надежду, что «слѣдующія произведенія автора будутъ столь же или даже болѣе значительными» [1]). Послѣдующіе разсказы дѣйствительно постепенно оправдывали эту надежду. Отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ новымъ, яркимъ, чувствовалось, что авторъ ихъ безспорно «подлинный» талантъ. Критика, однако, до поры до времени какъ-бы находилась въ выжидательномъ настроеніи, хотя, кажется, А. В. Амфитеатровъ, въ коротенькой рецензіи на страницахъ «Новаго Времени», не побоялся сразу же признать въ начинающемъ авторѣ новаго Чехова.

---

[1]) «Русская Мысль» 1895 г., августъ, стр. 410—412.

Н. К. Михайловскій объясняетъ эту сдержанность критики отчасти тѣмъ, что, вслѣдствіе разбросанности разсказовъ Горькаго по мало распространеннымъ изданіямъ, трудно было составить себѣ опредѣленное впечатлѣніе о литературной физіономіи писателя [1]). Могло даже возникать сомнѣніе,—обладаетъ ли онъ какою-нибудь опредѣленной физіономіей и не есть ли онъ одно изъ тѣхъ мимолетныхъ явленій, какія бывали не разъ какъ въ нашей, такъ и въ другихъ литературахъ. Скептицизмъ этотъ, вполнѣ естественный у болѣе или менѣе осторожныхъ критиковъ, потерялъ подъ собою почву съ выходомъ въ 1898 году разсказовъ Горькаго въ отдѣльномъ изданіи. Два довольно объемистыхъ томика этихъ разсказовъ, къ которымъ черезъ годъ присоединился такой же третій томикъ, устраняли уже всякія сомнѣнія относительно «мимолетности» новаго явленія и дѣлали очевиднымъ для всякаго, что наша литература, на оскудѣніе которой такъ часто жаловались въ послѣднее время, обогатилась сильнымъ, свѣжимъ и совершенно самобытнымъ талантомъ. Въ журналахъ всѣхъ фракцій и направленій появились статьи, посвященныя характеристикѣ Горькаго и выведенныхъ имъ типовъ. Различнымъ образомъ, каждый съ своей точки зрѣнія, оцѣнивая значеніе и смыслъ типовъ и «фолософіи» Горькаго,

[1]) «Русское Богатство», 1898 г., октябрь, стр. 55.

авторы этихъ статей сошлись въ единогласномъ признаніи таланта новаго писателя. Н. К. Михайловскій, хотя и оставилъ за собой нѣкоторое право на скептицизмъ относительно Горькаго, въ то же время заявилъ, что два томика его разсказовъ представляютъ собою нѣчто «вполнѣ опредѣленное, при томъ такое, что можетъ доставить и художественное наслажденіе и пищу для размышленія, что можно не только съ удовольствіемъ читать, но и перечитывать, и что помянется исторіей литературы, хотя бы Максимъ Горькій уже ничего болѣе не писалъ» [1]). М. А. Протопоповъ, признавъ, что «теоретическія воззрѣнія Горькаго находятся въ весьма плачевномъ состояніи» и на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ оплакавъ пропадающія силы героевъ Горькаго, не могъ не признать, что впечатлительный, увлекательный, горячій и искренній лиризмъ Горькаго не позволяетъ сомнѣваться въ жизненности его литературнаго дарованія [2]).

«Онъ,—говоритъ г. Протопоповъ относительно Горькаго,—мало жилъ, но много пережилъ. Кругъ его наблюденій не широкъ, но зато это—не простыя наблюденія, а нѣчто бо̀льшее и высшее, переработанное не только въ горнилѣ его таланта, но и въ тайникахъ его души. Можетъ

---

[1]) «Русское Богатство», 1898, № 10, стр. 56.

[2]) «Русская Мысль», 1898 г., № 5, стр. 146—165; іюнь, стр. 187—204; ibid., 1900 г., № 3, стр. 38—42.

быть, что, къ нашему огорченію, г. Горькому такъ и не удастся справиться со своими теоретическими недоразумѣніями, но не можетъ быть того, чтобы г. Горькій когда-нибудь самодовольно успокоился на какой-нибудь идейкѣ или даже идеѣ» [1]). А. Л. Волынскій, познакомившись съ разсказами Горькаго, пришелъ къ заключенію, что въ его талантѣ, при нѣкоторыхъ неровностяхъ, видна своеобразная могучесть», что Горькій, питающій отвращеніе ко всему шаблонному и мертвенно-банальному, «надѣленъ отъ природы литературнымъ талантомъ и пытливымъ умомъ, который способенъ развиваться, проникаться глубокими противорѣчіями жизни, подниматься надъ этими противорѣчіями и пламенно стремиться къ высшей красотѣ» [2]). Ѳ. Д. Батюшковъ, сравнивая Горькаго съ французскими и итальянскими нувелистами XV и XVI вв., отмѣтилъ, что при чтеніи его очерковъ прежде всего бросается въ глаза «художественность изложенія, внушающаго и вызывающаго ощущенія жизни» [3]). А. В. Амфитеатровъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ («Литературный альбомъ») далъ образную характеристику Горькаго, признавъ себя однимъ изъ числа «самыхъ горя-

---

[1]) «Русская Мысль» 1899 г., № 5, стр. 148.

[2]) А. Волынскій. Борьба за идеализмъ. Спб. 1900 г., стр. 344—350.

[3]) Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 1900, стр. 145—176.

чихъ его поклонниковъ» [1]). Другой фельетонистъ той же газеты, г. Мордвинъ не разъ такъ же сочувственно отзывался о талантѣ Горькаго въ своихъ литературныхъ бесѣдахъ [2]). Даже В. П. Буренинъ, и до сего времени не отрѣшившійся отъ скептическаго отношенія къ Горькому и, очевидно, не принадлежащій къ числу его поклонниковъ, не могъ не признать, что Горькій «обладаетъ живымъ и своеобразнымъ талантомъ» и изученный имъ кругъ явленій, хотя бы ограниченный, «воспроизводитъ въ яркомъ свѣтѣ, не лишенномъ даже поэзіи» [3]). Н. И. Коробка посвятилъ Горькому горячо написанную статью, въ которой, отводя писателю почетное мѣсто на страницахъ исторіи русской литературы, главнымъ достоинствомъ его считаетъ то, что въ его сердцѣ «несомнѣнно горитъ жаркое пламя любви къ людямъ, огонь желанія вывести ихъ изъ ямы безвременья» [4]).

Максимъ Горькій, «пошлый писатель изъ глухого либеральнаго угла», какъ его называли еще недавно критики консервативныхъ изданій, вызываетъ теперь восторженныя похвалы въ тѣхъ же изданіяхъ. «Московскія Вѣдомости» посвя-

---

[1]) «Россія», 1900 г., № 339 и др.

[2]) Ibid., 1899 г., 17 декабря, № 233 и др.

[3]) «Новое Время», 1900 г., 31 марта, № 8654.

[4]) Коробка, Н. И. Очерки литературныхъ настроеній. Спб. 1903 г. Первоначально статья появилась въ «Образованіи», 1901 г., №№ 4 и 6.

щаютъ ему прочувствованные фельетоны, а «Гражданинъ», устами гр. Петра Кутузова, говоритъ: «Для такого подвижника-писателя, какъ М. Горькій—недостаетъ подобающаго скульптора—критика, который, увѣнчавъ его чело лаврами, поставилъ бы его всенародно на подобающемъ пьедесталѣ, создавъ затѣмъ достойный памятникъ ему, сильному и свѣтлому русскому работнику изящной словесности» [1]).

Такого рода отзывовъ можно было бы привести неизмѣримо больше. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что нѣтъ ни одного журнала или газеты, въ которой не было бы напечатано одной или даже нѣсколькихъ статей о Горькомъ [2]). Въ общемъ, это былъ однообраз-

---

[1]) Нѣсколько позже, со страницъ того же «Гражданина» послышались другія рѣчи. Когда Академія Наукъ дѣйствительно «увѣнчала чело» Горькаго лаврами почетнаго академика, кн. Мещерскій выступилъ противъ него съ цѣлымъ рядомъ инсинуацій.

[2]) Не имѣя возможности дать полный перечень этихъ первыхъ критическихъ статей, я укажу здѣсь, помимо уже отмѣченныхъ выше, еще слѣдующія: Статьи А. Б. въ «Мірѣ Божьемъ», 1898 г., № 7, стр. 1—13.—«Вольница», статья Андреевича въ «Жизни» за 1900 г., №№ 4, 6 и 8 (вышла позже отдѣльной книжкой). — Фельетоны В. П. Буренина въ «Нов. Вр.», 1898 г., № 8075, 1900 г., № 8805 (1-го сентября).—Замѣтка В. Г. въ «Нов. Вр., 1899 г., № 8550 (приложеніе).—Статьи Л. Е. Оболенскаго: «Горькій и идеи его новыхъ романовъ» въ «Сѣверн. Кур.», 1900 г., №№ 196, 198. — Статьи кн. Барятинскаго (Сравненіе Горькаго съ Ломоносовымъ) въ «Сѣверн. Кур.» 1900 г., апр.—Рецензія

ный, но именно благодаря своему однообразію, могучій унисонный хвалебный хоръ таланту молодого писателя.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что въ этомъ унисонномъ хвалебномъ хорѣ таланту молодого писателя прозвучала таки нотка противуположнаго характера. Одинъ критикъ (Пл. Красновъ), наперекоръ всѣмъ, заявилъ, что у Горькаго «краски блеклы, картины сѣры и вмѣсто оригинальности—оригинальничанье», что самъ Горькій гораздо ниже Крестовскаго, Печерскаго, Случевскаго и др.[1]) Мнѣніе это, звучавшее сначала на-

Д. Шестакова въ «Литер. прилож. къ Торгово-Промышл. Газетѣ», 1900 г., № 15.—Статья А. Виницкой въ «Вѣстн. Евр.», 1900 г., № 5, стр. 381—386.—Статьи В. Геккера въ «Одесск. Новостяхъ» 1900 г., №№ 4933, 4938, 4969 и др.—Р. Сементковскаго въ «Литерат. приложеніяхъ къ «Нивѣ», 1899 г., № 11, стр. 647—657.—«Тоскующій талантъ».—Статья А. Басаргина въ «Моск. Вѣд.», 1898 г., ноябрь. Статья А. Басаргина о «Ѳомѣ Гордѣевѣ» «Разслоеніе купеческой среды», въ «Моск. Вѣд.», 1900 г., №№ 221, 228.—К. В. Назарьевой въ «Литер. Вечерахъ Новаго Мира», 1900 г., № 5.—«Максимъ Горькій и Печерскій». Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи М. Вольфа, 1900 г., № 8—9, стр. 113—115. Статья М. Чуносова: «М. Горькій» въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ» въ журн. І. Ясинскаго: «Ежемѣсячныя Сочиненія», 1900 г., № 9. —М. Меньшиковъ: «Красивый цинизмъ» «Книжи Недѣли», 1900 г., № 9. Е. А. Ляцкой. «Максимъ Горькій и его разсказы». «Вѣстн. Европы», 1901 г., ноябрь. Замѣтка по поводу «Ѳомы Гордѣева» въ «Другѣ Трезвости», 1900 г., № 13.—Revue Bleue, 1900 г., юнь.

[1]) «Новый Міръ», 1900 г., № 34, стр. 213—214.

столько одиноко, что не производило даже впечатлѣнія диссонанса, мало-по-малу стало пріобрѣтать себѣ хотя и немногочисленныхъ, но все же сторонниковъ. Явились критики, которые, не симпатизируя Горькому въ чисто моральномъ отношеніи, употребляли всѣ старанія для того, чтобы снять съ него вѣнокъ, который преподнесли ему его почитатели. Такъ, напримѣръ, г. Меньшиковъ увидѣлъ въ сочиненіяхъ Горькаго хотя и «красивый», но все же «цинизмъ». Слово это эхомъ отразилось на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и тому подобныхъ изданій. Нѣкто Мих. Москаль выпустилъ цѣлую брошуру, гдѣ, изложивъ вкратцѣ всѣ разсказы Горькаго, увидѣлъ въ нихъ только «оправданіе зла» и хулиганство. Критикъ этотъ оказался настолько проницательнымъ, что пришелъ къ выводу, будто «природа создала Горькаго съ черствой душой, а среда довершила начатое природой, потушила въ немъ послѣднюю искру идеализма и вѣры» (sic) [1]). Г. Эрастовъ выпустилъ «Открытое письмо Максиму Горькому», письмо полное тумана, но, тѣмъ не менѣе, силящееся доказать, что Горькій «свѣтитъ да не грѣетъ» [2]). Мало-по-малу, отправляясь отъ обличенія нравственныхъ воззрѣній героевъ Горькаго, критика перешла къ упраздненію

---

[1]) М. Москаль. Оправданіе зла. Паѳосъ М. Горькаго. М. 1902 г., стр. 57.

[2]) Г. Эрастовъ. Открытое письмо М. Горькому. Спб., 1902 года.

общаго предразсудка о томъ, что онъ выдающійся художникъ. Наиболѣе обстоятельно разобралъ этотъ вопросъ г. Энгельгардтъ, поставившій себѣ задачей детально разсмотрѣть, что представляетъ собою Горькій, какъ художникъ [1]). Выводъ, къ кототорому пришелъ г. Энгельгардтъ, прямо уничтожаетъ всякое значеніе произведеній Горькаго въ художественномъ отношеніи. «Въ нихъ,—заявляетъ г. Энгельгардтъ,—правды нѣтъ. Какое же это художество, если даже и признать даровитость автора и мастерство въ описаніи отдѣльныхъ массовыхъ сценъ, предметовъ, настроеній минуты и т. д.? Фальшь, лживая тенденція, словно ржавчина, поѣдаетъ весь разсказъ и льститъ неприхотливому вкусу толпы, деретъ по нервамъ знатока какъ опера, въ которой примадонна фальшивитъ на каждой нотѣ, хотя и декораціи и хоры, и оркестръ красиво дѣлаютъ свое дѣло»... Уничтожающій выводъ. Его очень одобрилъ также г. Буренинъ, перепечатавшій часть статьи г. Энгельгардта въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ. Но чѣмъ этотъ выводъ поддерживается? О, данныя въ рукахъ г. Энгельгардта самыя неотразимыя. Напримѣръ, художникъ восторгается независимымъ, могучимъ видомъ свободнаго кондора, гордо высоко и летающаго въ небѣ, а г. Энгельгардтъ сейчасъ же комментируетъ: «помилуйте, чѣмъ тутъ востор-

---

[1]) «Русск. Вѣстн»., 1902 г., іюнь.

гаться? вы посмотрите, какъ этотъ «царь птицъ» ѣстъ всякую падаль, что у него въ желудкѣ, какъ отъ него пахнетъ»... Или примѣръ другой. Горькій пишетъ свободолюбивую красивую Мальву, эту Карменъ рыбныхъ промысловъ, увлекающую всѣхъ своими чарами. Г. Энгельгардтъ сейчасъ же опровергаетъ Горькаго. По его мнѣнію, Мальва никого очаровать не могла, такъ какъ отъ нея «несетъ» ужаснымъ рыбнымъ запахомъ, пропитывающимъ всѣхъ на промыслахъ.

Уже по этимъ двумъ примѣрамъ вы можете видѣть, что удовлетворить требованія критика въ смыслѣ правды положительно не въ состояніи ни одинъ художникъ. Попробуйте написать характеристику Пушкина, съ его поэтической, богато одаренной и художественной душой. Я увѣренъ, что такая характеристика покажется г. Энгельгардту и ему подобнымъ критикамъ совершенно неправдоподобной. «Все это, скажетъ онъ, невѣрно. Пушкинъ самый обыкновенный человѣкъ, ѣлъ всякую гадость, а что у него въ желудкѣ было?» Да проститъ мнѣ тѣнь великаго поэта, идеи котораго воспринялъ и Горькій, за упоминаніе его имени въ этомъ нѣсколько грубомъ примѣрѣ, навѣянномъ г. Энгельгардтомъ. Но, что дѣлать? Онъ самъ собою приходитъ въ голову при чтеніи критической статьи г. Энгельгардта. Кстати, статья эта напомнила мнѣ одинъ эпизодъ изъ исторіи нашей литературы, эпизодъ въ высшей степени характерный и, полагаю,

для г. Энгельгардта поучительный. Дѣло въ томъ, что въ такомъ же положеніи, какъ сейчасъ Горькій, находился въ свое время и Гоголь. О. Матвѣй казнилъ его за мораль его произведеній, а современная критика въ лицѣ Николая Полевого за антихудожественность его произведеній. Подробно остановился я на этомъ эпизодѣ въ журналѣ «Литературный Вѣстникъ», [1]) а здѣсь укажу только, что методъ доказательства антихудожественности литературнаго произведенія у г. Энгельгардта и Н. Полевого почти тождественны. Въ этомъ нетрудно убѣдиться всякому, кто захочетъ сравнить статьи Полевого о Гоголѣ съ статьями г. Энгельгардта о Горькомъ. Хорошій знакъ для Горькаго. Какъ ни старался Полевой выдвинуть на первый планъ антихудожественность Гоголя, его произведенія пережили Полевого и теперь признаны классическими. Эпизодъ безспорно поучительный, особенно для критика, который, по выраженію Крылова». ...что ни станетъ разбирать, имѣетъ даръ одно худое видѣть»...

Этимъ я и закончу обзоръ критической литературы о Горькомъ. Для полноты картины не мѣшало бы передать также содержаніе и статей иностранныхъ критиковъ, столь же, если не болѣе, многочисленныхъ, какъ и наши. Но эту

---

[1]) «Литературный Вѣстникъ» (подъ ред. А. І. Лященко), 1902 г., кн. VIII. Статья «Полевой какъ издатель «Русскаго Вѣстника».

задачу уже выполнилъ очень тщательно г. З. К., давшій подробное изложеніе статей—главнѣйшихъ иностранныхъ критиковъ въ статьѣ: «М. Горькій въ иностранной критикѣ» [1]). Общее впечатлѣніе, которое осталось отъ чтенія этихъ статей—это удивительная пестрота мнѣній, нерѣдко діаметрально противоположныхъ. Одни видятъ въ нашемъ писателѣ рамантика, другіе—реалиста, одни считаютъ его пессимистомъ, другіе—оптимистомъ. Единственнымъ объясненіемъ такихъ противорѣчій, по мнѣнію г. З. К., можетъ служить то, что, «кто много приноситъ, тотъ каждому даетъ», и даетъ именно то, что каждый у него спрашиваетъ, ищетъ и находитъ. Объясненіе весьма правдоподобное и приложимое не только къ иностраннымъ, плохо знакомымъ съ рускимъ языкомъ, русской жизнію и литературой, авторамъ, но также и къ нашимъ критикамъ [2]).

---

[1]) Литературное дѣло. Спб. 1902, стр. 229—256.

[2]) На дняхъ въ Лондонѣ вышла новая, не извѣстная г. З. К. книжка Диллона «Maxim Gorki», представляющая собой очень обстоятельный критическій трудъ о нашемъ писателѣ, почти въ 400 страницъ. Переводъ статьи о Горькомъ де-Вогюэ, появившейся въ «Revue des deux Mondes», вышелъ по-русски въ двухъ переводахъ (изд. М. В. Пирожкова). Новая литература о Горькомъ, какъ русская, такъ и иностранная, подробно и своевременно отмѣчается въ «Литературномъ Вѣстникѣ».

IV.

«Читатель», на котораго обыкновенно принято взваливать обвиненія въ равнодушіи, непониманіи и т. д., отнесся къ молодому писателю еще лучше, нежели критика. Не успѣло появиться въ продажѣ первое изданіе разсказовъ Горькаго, какъ уже понадобилось второе и третье. Небольшіе сѣренькіе томики разсказовъ Горькаго чрезвычайно быстро исчезали съ прилавковъ книжныхъ магазиновъ и затѣмъ быстро расходились въ публикѣ, переходя изъ рукъ въ руки и требуя новыхъ изданій. Въ самое короткое время имя Горькаго завоевало себѣ широкую популярность и восторженныя симпатіи, которыя выражались особенно бурно каждый разъ, какъ только Горькій, или самъ лично, или же при посредствѣ своихъ произведеній, вступалъ въ непосредственное общеніе съ большой публикѣ. Зимой 1899 г.,въ Петербургѣ, онъ принялъ участіе въ одномъ литературномъ вечерѣ, и наполнявшая залу, молодая по преимуществу, публика, лишь только онъ вышелъ на эстраду, встрѣтила его цѣлой бурей криковъ и рукоплесканій. Устроенный въ апрѣлѣ 1900 г. артисткой Л. Б. Яворской литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ исключительно читались произведенія Горькаго или же говорили о немъ, имѣлъ столь же бурный успѣхъ. «Чув-

ствовался, читаемъ въ одномъ изъ отчетовъ объ этомъ вечерѣ, сильный нравственный подъемъ, и имя писателя, въ короткій срокъ ставшаго любимцемъ всего, что смѣло, свѣжо и молодо, соединило какъ незримое звено и исполнителей и публику. Сочувственно отнеслись участвующія литературныя силы къ своему собрату, откликнулась и чуткая публика на это импровизированное чествованіе, откликнулась такъ искренно, что по окончаніи шумныхъ безконечныхъ овацій устроителямъ и исполнителямъ послышались крики:

— Телеграмму! Послать Горькому телеграмму [1]).

«Многочисленная публика и устроители, какъ значилось въ телеграммѣ, почувствовали «потребность послать Горькому горячую благодарность за пробужденныя имъ хорошія чувства». Такимъ же бурнымъ восторгомъ сопровождалось чтеніе «Пѣсни о Соколѣ» на литературномъ вечерѣ, устроенномъ въ Ялтѣ (въ апрѣлѣ 1900 г.). «Публика, говорится въ отчетѣ объ этомъ вечерѣ, неистово вызывала Горькаго, котораго артисты чуть не силой вытащили на сцену» [2]). Прочитанная мною въ мартѣ 1900 года лекція, главнымъ предметомъ которой были произведенія Горькаго, также дала поводъ публикѣ высказать свои симпатіи этому писателю. Около портрета

---

[1]) «Сѣверный Курьеръ», 1900 г., № 165 (19 апрѣля).

[2]) «Крымскій Вѣстникъ», 1900 г., № 189.

Горькаго, писаннаго Рѣпинымъ и выставленнаго весной 1900 года обществомъ «передвижниковъ», всегда толпилась довольно значительная кучка народу.

Съ этого года популярность Горькаго начинаетъ расти не по днямъ, а по часамъ и представляетъ собой въ нашей литературной жизни явленіе настолько необычное, что на немъ не только интересно, но нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего, необходимо отмѣтить огромный и крайне разнообразный кругъ читателей Горькаго. Безъ преувеличенія можно сказать, что сѣренькіе томики его сочиненій за послѣдніе три четыре года стали общимъ достояніемъ читателей самыхъ разнообразныхъ классовъ. Знакомство съ Горькимъ проявляется вездѣ и всюду. Кн. Мещерскій, отражающій въ своихъ дневникахъ жизнь «высшаго свѣта», воспроизводитъ, напримѣръ, такую сценку [1]).

Княгиня Биби, изъ клана кумушекъ, на террасѣ читаетъ и единовременно сражается съ комарами.

Входитъ ливрейный лакей и докладываетъ: княгиня Дарья Ивановна Флитюшкина.

— Проси,—отвѣчаетъ княгиня Биби, ударяя себя по лбу для убіенія комара.

Вбѣгаетъ княгиня съ походкою кумушки.

— Здравствуй, Дада!—привѣтствуетъ ее хозяйка.

— Какъ? За чтеніемъ? — говоритъ она, нагибаясь и заглядывая въ книжку. Et du russe, Dieu me pardonne...

---

[1]) «Гражданинъ», 1902 г., № 47.

— Et même du Максимъ Горькій, — отвѣтила княгиня Биби.

— Ахъ, Боже, quelle sympathie, это мой писатель-фаворитъ, я положительно въ него влюблена. Я купила его портретъ и подписала внизу: «Мой другъ босякъ». «Босякъ»,—страшно нравится мнѣ это слово! Мой мужъ, разумѣется, въ бѣшенствѣ.

— Мой мужъ тоже приходитъ въ ярость, но, entre nous soit dit, наши мужья немного отстали отъ своего времени, n'est ce pas?

— И какъ еще!.. Я не знаю, какъ ты смотришь: но для меня Максимъ Горькій—это новый Пушкинъ, онъ нашъ trait d'union съ народомъ, онъ какъ Христосъ съ грѣшниками ѣстъ и пьетъ.

— Ну, ужъ ты всегда съ твоими экзажераціями, Христомъ его называть—это черезчуръ... А все-таки il a le charme du nouveau, il fait aimer le босякъ.

Князь Мещерскій, конечно, не одобряетъ этого увлеченія Горькимъ въ высшемъ кругу, но фактъ остаться фактомъ.

Сотруднику «Пермск. Губ. Вѣд.» случилось ѣхать на одномъ пароходѣ съ Горькимъ, и онъ могъ наблюдать, что даже «сѣрая» публика, ѣхавшая на этомъ пароходѣ, знала Горькаго не только по имени, но и по сочиненіямъ. «Горькій,—говорили въ этой толпѣ,—много хорошаго написалъ. Народъ хорошо знаетъ!.. Это—башка»..[1]). Слухъ о болѣзни писателя вызвалъ горячее участіе къ нему крестьянъ, которые стали присылать ему разнаго рода совѣты противъ болѣзни легкихъ [2]). Отъѣздъ Горькаго изъ Н.-Новгорода

---

[1]) «Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 180.

[2]) «Пермск. Край», 1901 г., № 127.

на югъ вызвалъ цѣлый рядъ манифестацій. Устроенный въ честь его банкетъ привлекъ свыше 125 представителей самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній [1]). На вокзалѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собралась провожать, а въ Москвѣ встрѣчать Горькаго огромная толпа молодежи, запасшейся цвѣтами, букетами адресами [2]).

Когда въ Парижѣ, въ ноябрѣ 1901 г., зашла рѣчь о торжественномъ празднованіи столѣтія рожденія Виктора Гюго, то для участія въ немъ было предположено пригласить, какъ представителя русской литературы Максима Горькаго, хотя и отдаленнаго, но все-таки родственника французскаго романтика [3]).

Появленіе въ свѣтъ романа «Ѳома Гордѣевъ» одновременно вызвало у цѣлаго ряда авторовъ желаніе «передѣлать» его для сцены. Газеты навели справки, и оказалось, что въ цензуру была представлена 31 передѣлка «Ѳомы Гордѣева» [4]).

Популярность писателя выразилась также въ цѣломъ рядѣ курьезовъ. Начать съ того, что во многихъ городахъ появились самозванцы, лже-Горькіе [5]). Въ Петербургѣ, на Васильевскомъ

---

[1]) «Одесск. Новости», 1901 г., № 5465 (12-го ноября).

[2]) «Одесск. Нов.», 1901 г., № 5467 (13-го ноября).— «Frankfurter Zeitung», 1901 г., № 399.

[3]) «Новое Время», 1901 г., 2-го ноября («Внѣшн. Изв.»).

[4]) «Нижегородскій Листокъ», 1901 г., № 328.

[5]) «Сѣв. Кур.», 1900 г., № 228.—«Россія», 1902 г., № 971 (9-го янв.), «Курьеръ», 1902 г., № 181.

Островѣ, нѣсколько «босяковъ» просили «на хлѣбъ» и «на косушку» именемъ М. Горькаго [1]). Въ Москвѣ на почвѣ популярности Горькаго разыгралась (на Чистопрудномъ бульварѣ) цѣлая сценка [2]).

Шелъ какой-то субъектъ. Вдругъ какой-то дамѣ вообразилось, что это Горькій.

— Господа, смотрите,—это онъ!

Сходство, дѣйствительно, было.

И въ мигъ собралась кучка народу. «Геній» шествовалъ по бульвару, досужіе люди за нимъ. И все время слышалось: «Горькій! Горькій»!

Наконецъ, онъ дошелъ до Харитоньевскаго переулка, и, прежде чѣмъ свернуть въ него, обернулся и сказалъ:

— Я—паликмахеръ, а вы—шуты гороховые.

Интервьюеры положительно осаждаютъ Горькаго. Стоило ему пріѣхать въ Петербургъ, и на него сразу же обрушилась цѣлая толпа людей, всячески старавшихся вызвать Горькаго на бесѣду и затѣмъ подробно сообщившихъ читателямъ до мелочей все, что они видѣли и слышали. Сотрудникъ «Петербургской Газеты», случайно встрѣтившись съ Горькимъ у общихъ знакомыхъ, довелъ свое описаніе до такой точности, что даже разсказалъ, какъ Горькій ѣстъ сардинки...

---

[1]) «Харьковск. Листокъ», 1902 г., № 665.

[2]) «Русскій Листокъ», 1901 г., № 357.

Сотрудникъ «Русскаго Слова» по пятамъ ходилъ за Горькимъ во время посѣщенія имъ художественной выставки въ Москвѣ и на другой же день доложилъ читателямъ о каждомъ замѣчаніи, о каждомъ словѣ, сказанномъ Горькимъ...[1]).

Я нарочно привелъ всѣ эти факты, съ одной стороны для того, чтобы показать, до какой степени разрослась популярность Горькаго, а съ другой съ цѣлью уяснить одинъ эпизодъ, разыгравшійся на почвѣ этой популярности и вызвавшій въ печати слишкомъ много толковъ, въ огромномъ большинствѣ совершенно не вѣрныхъ. Я имѣю въ виду эпизодъ, случившійся въ Москвѣ, въ московскомъ художественномъ театрѣ и состоявшій въ томъ, что Горькій, не выдержавъ любопытства окружавшей его толпы, попросилъ оставить его въ покоѣ. Одинъ изъ очевидцевъ этой исторіи разсказываетъ[2]), что публика во время антрактовъ буквально преслѣдовала Горькаго, ходила за нимъ по слѣдамъ, сгруппировывалась въ корридорахъ, ожидая, когда онъ пройдетъ, выйдетъ изъ ложи, изъ-за кулисъ. Хлопали ему и кричали: «Горькій».

Послѣ одного изъ антрактовъ, когда Горькому надо было выйти изъ комнаты при директор-

---

[1]) «Русское Слово», 1902 г., № 352.

[2]) «Одесскія Новости», 1900 г., № 5133. Ср. № 5127 этой же газеты.

ской ложѣ, публика не давала ему выйти. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ пройти, онъ и сказалъ:

«Гг., пропустите меня... Я не Венера, не балерина и не утопленикъ. На сценѣ идетъ... и т. д., а вы занимаетесь пустяками!..»

Газеты подхватили этотъ эпизодъ, приписали Горькому цѣлый рядъ грубыхъ, обидныхъ для публики словъ (въ родѣ «глазѣете») и занялись размышленіями на тему о томъ, что Горькій зазнался, что это ужъ слишкомъ и вынудили, въ концѣ концовъ, Горькаго разсказать, какъ было дѣло на самомъ дѣлѣ. Въ № 363 «Сѣвернаго Курьера» (1900 года, 18 ноября) появилось письмо въ редакцію Горькаго, который писалъ:

М. Г., г. редакторъ!

«Пожалуйста, напечатайте нижеслѣдующее. Кто-то «изъ публики» напечаталъ надняхъ въ «Новомъ Времени» замѣтку о разговорѣ моемъ съ лицами, находившимися въ корридорѣ Художественно-общедоступнаго театра въ Москвѣ. Авторъ замѣтки говоритъ, что онъ присутствовалъ при этомъ лично, но я думаю, что это неправда, или онъ не слышалъ, потому что слова мои онъ приводитъ въ совершенно искаженной передачѣ московской газеты «Новости Дня».

«Говоря съ публикой, я не употреблялъ грубыхъ выраженій: «глазѣете», «смотрите мнѣ въ

ротъ» не говорилъ, что мнѣ мѣшаютъ пить чай съ А. П. Чеховымъ, котораго въ это время тутъ не было, ибо онъ сидѣлъ за кулисами.

«Я сказалъ вотъ что:

«Мнѣ, господа, лестно ваше вниманіе, спасибо!—но я не понимаю его. Я—не Венера Медицейская, не балерина, не утопленикъ; что интереснаго во внѣшности человѣка, который пишетъ разсказы? Вотъ я напишу пьесу — шлепайте, сколько вамъ угодно. И какъ профессіоналу-писателю мнѣ обидно, что вы, слушая полную огромнаго значенія пьесу Чехова, въ антрактахъ занимаетесь пустяками». Сказавъ такъ, я извинился, хотя этого не надо было дѣлать. Этимъ письмомъ я только протестую противъ искаженія моихъ словъ, но не извиняюсь. А газетчиковъ, раздувшихъ это пустяковое происшествіе, я отъ души, спрашиваю: — неужели вамъ, господа, не стыдно заниматься подобными пустяками?»

М. Горькій.

Въ разсказѣ «О Писателѣ, который зазнался» Горькій подробно описываетъ тѣ ощущенія и впечатлѣнія, которыя онъ пережилъ въ этотъ крайне непріятный для него вечеръ. Возмущенный празднымъ любопытствомъ толпы, смотрѣвшей на писателя чуть ли не какъ на свою собственную игрушку alter ego Горькаго, объясняетъ, почему это вниманіе привело его въ такое ожесточеніе.

«Мнѣ кажется,—обратился онъ къ толпѣ,—будто вы меня за то любите, что я не ношу сюртука и въ своихъ разсказахъ употребляю неприличныя слова. И порой мнѣ кажется, что если бы я научился лирическіе стихи писать лѣвой ногой, вы бы еще теплѣе, еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ относились ко мнѣ... И думается мнѣ, что вы не настоящіе читатели, а просто почитатели. Читатель, онъ знаетъ, что важенъ не человѣкъ, а важенъ духъ человѣческій, и писателя не разглядываетъ, какъ теленка о двухъ головахъ»...

Поставивъ этотъ эпизодъ въ связь съ тѣми фактами, которыя я привелъ выше, всякій, надѣюсь, скажетъ, что Горькій имѣлъ полное право не извиняться. Въ «Петербургской газетѣ» по поводу этого случая появилась каррикатура, гдѣ Горькій былъ изображенъ поднявшимся на воздушномъ шарѣ. Сидя въ лодкѣ воздушнаго шара, Горькій говоритъ: «Теперь мнѣ, наконецъ, удастся поработать и я гарантированъ отъ надоѣдливости толпы...»

Думаю, что взглянувъ на эту каррикатуру, Горькій искренно пожалѣлъ, что не располагаетъ воздушнымъ шаромъ, который избавилъ бы его отъ дѣйствительно тяжелыхъ терніевъ все увеличивающейся и подчасъ весьма назойливой популярности.

Теперь припомните, что первый свой разсказъ Горькій напечаталъ въ совершенно нераспро-

страненной провинціальной газетѣ всего только въ 1892 году, что въ «толстыхъ» журналахъ онъ началъ печататься съ 1895 года и что доступнымъ публикѣ и критикѣ онъ сдѣлался лишь въ 1898 году, когда его повѣсти и разсказы вышли отдѣльнымъ изданіемъ—и вы оцѣните все значеніе приведенныхъ сейчасъ фактовъ. Пріобрѣсти себѣ въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ такую широкую популярность, завоевать столь почетное мѣсто въ литературѣ—конечно, не легко, особенно, если принять во вниманіе, что среда, описываемая въ большинствѣ случаевъ Горькимъ, не представляетъ собой чего-либо новаго въ нашей литературѣ. О ней немало разсказали въ свое время Рѣшетниковъ, Глѣбъ Успенскій, Левитовъ и другіе писатели «народники». Я особенно подчеркиваю фактъ этого успѣха. По моему мнѣнію, онъ важенъ не только для оцѣнки таланта и произведеній Горькаго, но, какъ увидимъ дальше, также и для характеристики нашего времени.

V.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ кроется причина или причины такого рѣдкаго не только въ нашей, но и въ другихъ литературахъ успѣха?

Прежде всего, конечно, въ томъ, что Горькій—безусловно крупный и талантливый художникъ. У него сочная кисть и свѣжія краски. Пишетъ

онъ мазками, безъ лишнихъ словъ, безъ всякой реторики. Всего двумя-тремя штрихами онъ передаетъ цѣлую, вполнѣ реальную картину. Особенно любитъ онъ море, которое у него несравненно болѣе разнообразно, чѣмъ у Айвазовскаго. Его кипучая, нервная натура никогда не пресыщается созерцаніемъ этой темной опаловой широты, безкрайной, свободной и мощной. Море у него смѣется, улыбается, спитъ, играетъ маленькими волнами, рождая ихъ, украшая бахромой пѣны, сталкивая эти волны другъ съ другомъ и разбивая въ мелкую пыль. На одной страницѣ передъ вами «игривое море», все изрытое бѣгающими стаями волнъ, кое-гдѣ уже убранныхъ пышной и бѣлой бахромой пѣны», на другой — море это ходитъ грозными волнами, съ шумомъ разбивающимися одна о другую.

Разносторонность художественнаго дарованія Горькаго сказывается особенно въ томъ, что онъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и пейзажи, рисуетъ жанровыя картинки, пишетъ вполнѣ живые портреты. Для доказательства вполнѣ достаточно развернуть любую страницу изъ его разсказовъ. Обратите, напримѣръ, вниманіе на его описаніе пѣнія и пѣвцовъ и сравните этого рода картинки, не разъ встрѣчающіяся у Горькаго, съ картинкой «Пѣвцы» такого замѣчательнаго художника, какъ И. С. Тургеневъ. Это сравненіе покажетъ вамъ лучше всего, что вы имѣете дѣло съ дѣйствительно замѣчательнымъ художникомъ,

разбирающимся не только въ краскахъ, но также и въ звукахъ и въ тончайшихъ психологическихъ настроеніяхъ. Изображеніе «Тріѐ», въ разсказѣ «Тоска» положительно не уступитъ тургеневскимъ пѣвцамъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ передаетъ Горькій впечатлѣніе дуэта, пропѣтаго двумя женщинами.

«...Ея сестра качнула головой и протяжно, жалобно, высокимъ контральто застонала:

Эхъ—у—ме-ня—у—кра-сной—дѣ-ви-цы...

Сверкая глазами на сестру, Саша низкими нотами крикнула:

Какъ былинка, сердце высохло-о-о!

Два голоса поднялись и поплыли надъ водой, красивымъ, сочнымъ, дрожащимъ отъ избытка силы, звукомъ. Одинъ жаловался на нестерпимую боль сердца и, упиваясь ядомъ, жалобы своей,—рыдая съ унылой и безсильной скорбью, рыдалъ, слезами заливая огонь своихъ мученій. Другой—болѣе низкій и мужественный—могуче текъ въ воздухъ, полный чувства кровной обиды и готовности мстить. Ясно выговаривая слова, онъ рвался изъ груди густою струей, и отъ каждаго слова пахло кипящей кровью, возмущенной оскорбленіемъ, отравленной обидой и мощно требовавшей мести.

Ужъ я ему это выплачу...

жалобно пѣла Васса, закрывъ глаза.

За-азноблю его, по-овысушу...

увѣренно и грозно обѣщала Саша, бросая въ воздухъ крѣпкіе, сильные звуки, похожіе на удары»

. . . . . .

. . . . . .

Читая эти строки, вы положительно слышите пѣніе, проникаетесь настроеніемъ пѣвцовъ и слушателей Горькаго...

Этому много, конечно, помогаетъ живой искренній импрессіонизмъ Горькаго. Любя природу, хорошо понимая ея языкъ и привыкнувъ съ первыхъ дней своего существованія постоянно дѣлиться съ нею своею радостью и своимъ горемъ, онъ олицетворяетъ ее, олицетворяетъ слѣпыя стихійныя силы, сливая ихъ вмѣстѣ съ человѣческими существами въ гармоничную картину, перемѣшивая звукъ съ цвѣтомъ, цвѣтъ съ запахомъ и звукомъ. Даже такой прозаическій инструментъ, какъ самоваръ, и тотъ, когда около него собираются «трое» хорошихъ пріятелей-дѣтей, имѣетъ у Горькаго «славную старческую рожу, ласково-хитрую»...

Прочтите, затѣмъ, небольшой по объему разсказъ «Скуки ради». Фабула его — самая незамысловатая. На глухой желѣзнодорожной станціи живетъ, по необходимости, нѣсколько человѣкъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Жизнь ихъ сѣренькая, пошленькая, чрезвычайно однообразная, и потому всѣмъ имъ необычайно скучно. Поѣзда, пробѣгающіе мимо станціи, вносятъ нѣкоторое оживленіе, но оживленіе это такъ же не-

продолжительно, какъ непродолжительны остановки этихъ поѣздовъ. Скучающіе люди знаютъ другъ друга до мелочей, обо всемъ уже переговорили...

«Скуки ради» они готовы на все. Въ одинъ прекрасный день, въ погонѣ за развлеченіемъ, которое бы хоть на минуту разсѣяло угнетавшую ихъ скуку, они не задумываются поставить въ унизительное положеніе двухъ одинокихъ и безотвѣтныхъ людей—кухарку, некрасивую старую дѣву и желѣзнодорожнаго сторожа. Замѣтивъ, что между этими двумя людьми установилась интимная связь, они неожиданно запираютъ ихъ въ сараѣ и затѣмъ, собравъ все немногочисленное станціонное населеніе, заставляютъ ихъ выйти, при чемъ сопровождаютъ этотъ выходъ хохотомъ, шутками, насмѣшками. Въ результатѣ—самоубійство кухарки, которая не въ состояніи перенести этого униженія. Пересказъ, конечно, не можетъ передать и сотой доли того впечатлѣнія, которое производитъ подлинный разсказъ. Я дѣлаю его только для того, чтобы показать, какой въ сущности простой канвой пользуется Горькій для своихъ картинокъ.

Канва у него — вездѣ на второмъ планѣ. На первомъ же всегда и всюду стоитъ настроеніе, и нужно отдать ему справедливость, что эта задача всегда имъ выполняется какъ нельзя лучше. Читая разсказъ «Скуки ради», вы почти ощущаете ту тоску, которую переживаютъ описы-

ваемые Горькимъ герои, прямо таки видите, какъ изо дня въ день ихъ угнетаетъ одно и то же ощущеніе одной и той же скуки, скуки и скуки... По художественности изображенія скуки пошлой жизни Горькій въ этомъ разсказѣ положительно не уступаетъ Антону Чехову.

Замѣчательно просто и естественно передаетъ также Горькій смѣну одного настроенія другимъ— совершенно противоположнымъ. Людямъ весело, они смѣются самымъ искреннимъ, здоровымъ смѣхомъ; вдругъ, проходитъ моментъ, и то же самое, что нѣсколько минутъ назадъ казалось смѣшнымъ—теперь вызываетъ у нихъ тоску, грусть, горе... Это можно видѣть какъ въ разсказѣ «Скуки ради», такъ въ особенности въ еще меньшемъ по объему, небольшомъ разсказикѣ «Зузубрина», герой котораго, арестантскій любимецъ и увеселитель, возбуждаетъ неожиданно для себя негодованіе, даже ненависть своихъ же недавнихъ еще почитателей и подвергается жестокимъ побоямъ за шутку, надъ которой нѣсколько минутъ передъ этимъ всѣ хохотали.

Изображеніе смѣха и веселости Горькому удается столь же хорошо, какъ изображеніе скуки. Юморомъ скрашены у него самыя трагическія положенія и, благодаря этому, почти всѣ его «безпокойные» герои, при самомъ пессимистическомъ взглядѣ на окружающія ихъ условія жизни и людей, въ то же время нерѣдко производятъ впечатлѣніе оптимистовъ. Съ самымъ добродушнымъ юмо-

ромъ обыкновенно разсказываютъ они о своихъ похожденіяхъ, о своихъ удачахъ и неудачахъ, характеризуютъ самихъ себя и другихъ. Юморъ этотъ—часто народный, русскій юморъ. Горькій унаслѣдовалъ его отъ народа такъ же, какъ онъ унаслѣдовалъ отъ народа цѣлый рядъ остроумныхъ поговорокъ, необычайно меткихъ и образныхъ пословицъ и сравненій, которыми пестрятъ его повѣсти и разсказы. Разсказъ «Ярмарка въ Голтвѣ», по своему юмору, очень напоминаетъ Гоголя и, если бы такъ осязательно не чувствовалось, что вошедшія въ составъ него сценки списаны съ натуры, то можно было бы даже подумать, что Горькій подражаетъ Гоголю. Разсказъ этотъ, впрочемъ, интересенъ еще въ другомъ отношеніи. Онъ обращаетъ на себя вниманіе своей колоритностью. Будучи самъ великороссомъ, Горькій прекрасно пишетъ «хохловъ», пишетъ ихъ такими, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, со всѣми ихъ національными особенностями. Также колоритны у него разсказы изъ кавказской и бессарабской жизни.

Пробѣгая разсказъ за разсказомъ, вы не можете не обратить вниманіе на эту разносторонность художественнаго таланта Горькаго, на разнообразіе его картинокъ и типовъ. Галлерею этихъ типовъ можно сравнить, по ихъ разнообразію, съ являющимися отбывать «учебный сборъ» запасными нижними чинами. Длинной вереницей проходятъ передъ вами одинъ за дру-

гимъ босяки самыхъ разнообразныхъ категорій, цѣлая серія «бывшихъ людей», среди нихъ мелькаетъ блѣдная фигура ученаго приватъ-доцента, затѣмъ слѣдуетъ подвижный, умный, необычайно энергичный практикъ-философъ изъ купцовъ Маякинъ, суровая фигура замаливающаго свои грѣхи, но гордаго и смѣлаго, купца Ананія Щурова, безпокойный молодой купецъ Ѳома Гордѣевъ, точно изваянный изъ камня скептикъ-философъ Тетеревъ, юркая фигура газетнаго обличителя Ежова, архитекторъ Шебуевъ, живой, необычайно подвижный и умный маляръ Сенька-Чижикъ, и цѣлый рядъ другихъ. Все это люди самыхъ различныхъ слоевъ общества, различныхъ національностей, возрастовъ—и, тѣмъ не менѣе, со всѣми ими Горькій справляется какъ нельзя лучше. Многіе изъ написанныхъ имъ портретовъ, особенно мужскихъ (женскіе менѣе удаются Горькому), настолько реальны, настолько жизненны, что вы какъ бы видите ихъ передъ собою. Портреты дѣтей удаются Горькому также хорошо, если еще не лучше, чѣмъ портреты взрослыхъ. Половина повѣсти «Трое» сплошь посвящена дѣтямъ, написаннымъ имъ съ той трогательной правдивостью, которою отличаются дѣти Достоевскаго. И нельзя сказать, чтобы тщательно были отдѣланы Горькимъ только главные персонажи или герои его разсказовъ. Эпизодическія лица въ его разсказахъ такъ же жизненны. Возьмите хотя бы мальчика маляра, Сеньку-Чи-

жика, въ разсказѣ «Супруги Орловы». Онъ мелькаетъ на протяженіи разсказа всего два-три раза, но, по прочтеніи этого разсказа, у васъ остается такое впечатлѣніе, какъ будто бы вы гдѣ-то видѣли его подвижную фигурку, сами слышали его голосъ, съ восхищеніемъ извѣщающій о томъ, что супруги Орловы «стражаются» и что у жены уже, отъ побоевъ мужа, кровь изъ носу такъ и «тикетъ»...

Но, довольно примѣровъ... Повторяю, что каждая страничка разсказовъ Горькаго свидѣтельствуетъ лучше всякихъ характеристикъ о недюжинномъ и выдающемся талантѣ этого писателя. Можно, конечно, указывать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики, слабыя мѣста въ этихъ разсказахъ, но вѣдь у любого писателя, даже съ общепризнаннымъ крупнымъ талантомъ, могутъ быть отмѣчены тѣ или иные дефекты. Частности нисколько не исключаютъ общаго впечатлѣнія, а это впечатлѣніе, какъ мы уже видѣли хотя бы только изъ приведенныхъ выше критическихъ отзывовъ, таково, что не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ въ крупномъ талантѣ нашего писателя.

Однако, одними чисто художественными достоинствами сочиненій не можетъ быть еще объясненъ ихъ быстрый и бурный успѣхъ, а также то восторженное отношеніе, которое встрѣтили они въ массѣ читающей, особенно молодой, публики. Для объясненія факта, почему Горькій

въ какихъ-нибудь два-три года сдѣлался «героемъ нашего времени», необходимо поискать другихъ причинъ и, прежде всего, обратиться для этого къ внутреннему содержанію разсказовъ Горькаго.

VI.

Если вы прочтете подъ-рядъ одинъ за другимъ эти разсказы, вамъ, прежде всего, бросится въ глаза однородность ихъ основной идеи, однородность выводимыхъ въ нихъ авторомъ типовъ. Возьмите любой разсказъ и вы обязательно натолкнетесь въ немъ на одну и ту же фигуру «безпокойнаго» человѣка, недовольнаго окружающей его пошлою жизнью, всячески старающагося вырваться изъ этой жизни и неудержимо стремящагося къ абсолютной свободѣ отъ всякаго рода условностей обычнаго человѣческаго обихода. «Безпокойные люди» эти съ ихъ свободолюбивыми стремленіями и жаждой подвиговъ настолько приковываютъ къ себѣ ваше вниманіе, производятъ на васъ такое сильное впечатлѣніе своимъ романтическимъ героизмомъ, что вы невольно увлекаетесь ими, забывая даже о художественной формѣ разсказа. О силѣ этого впечатлѣнія можно составить себѣ наглядное понятіе по критическимъ статьямъ, посвященнымъ Горькому. Критики, всѣ безъ исключенія, лишь мимоходомъ говорятъ о талантѣ писателя и крупныхъ художественныхъ достоинствахъ его

произведеній, и сейчасъ же спѣшатъ перейти къ вопросу о его «безпокойныхъ людяхъ», которымъ посвящаютъ десятки страницъ.

Несомнѣнно, что «безпокойные люди» — главное у Горькаго, что они представляютъ собой то основаніе, на которомъ зиждется успѣхъ Горькаго и что именно въ нихъ кроется источникъ того сильнаго впечатлѣнія, которое производитъ этотъ писатель своими разсказами.

Что же представляютъ собою всѣ эти «безпокойные люди», чего они хотятъ, къ чему они стремятся, каковы ихъ идеалы? Прежде всего все это люди обладающіе огромнымъ запасомъ силъ, но не считающіе возможнымъ, не умѣющіе приложить этихъ силъ къ дѣлу, люди, выбитые изъ жизненной колеи, которую ненавидятъ, но дальше которой все-таки не всегда могутъ уйти. Сытое «мѣщанское счастье», пошлая сѣренькая жизнь, связанная съ какими бы то ни было обязанностями, имъ претитъ. На людей, довольствующихся этою жизнью, они смотрятъ съ презрѣніемъ, съ ненавистью, какъ на рабовъ, какъ на существа, недостойныя носить имя человѣка. Съ этой точки зрѣнія, и крестьяне, и командующіе классы, и фабричные рабочіе—всѣ у героевъ Горькаго встрѣчаютъ самое презрительное отношеніе. Крестьянинъ Гаврила, привязанный къ землѣ, мечтающій о деревнѣ и собирающійся «итти въ зятья», въ разсказѣ «Челкашъ», выставленъ трусливымъ, жад-

нымъ, мелочнымъ, однимъ словомъ, совершеннымъ рабомъ, и всѣ симпатіи читателя остаются на сторонѣ хотя и вора, но смѣлаго, векодушнаго бродяги Челкаша. Мужикъ, землеробъ, у босяковъ Горькаго вызываетъ лишь чувство брезгливости. «Я,—говоритъ одинъ босякъ,—всѣхъ мужиковъ не люблю... Они сволочи! Они прикинутся сиротами—имъ и хлѣба даютъ и все... У нихъ, вонъ, есть земство, и оно все для нихъ дѣлаетъ... Они ноютъ, да притворяются, но жить могутъ: у нихъ есть зацѣпка—земля...» Мужика босяки соглашаются лишь терпѣть, какъ существо для нихъ полезное. «Что есть мужикъ?—спрашиваетъ герой разсказа «Проходимецъ» и самъ же отвѣчаетъ: мужикъ есть для всѣхъ людей матеріалъ питательный, сирѣчь съѣдобное животное... Для существованія человѣка необходимы солнце, вода, воздухъ и мужикъ»... Иной разъ можетъ показаться, что это недружелюбное чувство къ сытому мужику проистекаетъ изъ зависти къ его благополучію. Многіе изъ босяковъ Горькаго, въ томъ числѣ и Челкашъ, крайне презрительно отнесшійся къ хлѣборобу Гаврилѣ, не разъ предаются элегическимъ воспоминаніямъ о собственномъ, давно уже утраченномъ хозяйствѣ, поютъ гимны деревнѣ, землѣ, предаются грустнымъ воспоминаніямъ на эту тему... Но такое объясненіе было бы несправедливо. Босякъ возмущается пошлымъ существованіемъ мужика, возмущается тѣмъ, что пошлость

эта нисколько не тяготитъ его и что, кромѣ жажды сытаго существованія, у него ничего другого нѣтъ. Для босяка представляется совершенно не понятнымъ, какъ это человѣкъ можетъ изъ-за какихъ бы то ни было выгодъ, большихъ или малыхъ, совершенно поработить свою индивидуальность, какъ онъ можетъ не чувствовать налагаемаго имъ добровольно на себя ярма.

Съ этой точки зрѣнія босяки Горькаго смотрятъ и на другіе классы. Рабочіе, «жалко ковыряющіе землю, вмѣсто того, чтобы стремиться къ небу», въ ихъ глазахъ также несчастные рабы. «Они, по словамъ Горькаго, все только строятъ, вѣчно трудятся, ихъ потъ и кровь—цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ; но они ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы вѣчному стремленію сооружать—стремленію, которое создаетъ на землѣ чудеса, но все-таки не даетъ людямъ крова и слишкомъ мало даетъ имъ хлѣба». Интеллигенція въ повѣстяхъ Горькаго характеризуется постоянно самыми мрачными штрихами. Архитекторъ Шебуевъ, въ своей рѣчи, отводитъ интеллигентамъ довольно большое, но далеко не почетное мѣсто. «Мы всѣ, — говоритъ онъ,—дѣйствительно люди—извините за выраженіе!—жалкіе несчастные. Насъ такъ много!.. Насъ очень много, господа! И по количеству мы—давно уже сила. У насъ много желаній, хорошихъ и честныхъ... Зачѣмъ у насъ потоки рѣчей и ни крупицы дѣла! Ну, пожалуй, крупицы есть!..

Всѣ эти журналы, романы, статьи,—вотъ крупицы... именно—крупицы не болѣе... Одни изъ насъ пишутъ, другіе читаютъ, прочитавъ—спорятъ, поспоривъ—забываютъ прочитанное... А возъ нашихъ идеаловъ и нынѣ тамъ, если не подвинулся назадъ. Ракъ беретъ засиліе, въ то время, какъ щука дѣлаетъ себѣ карьеру, а лебедь съ поломанными крыльями сидитъ, гдѣ приказано, и поетъ лебединую пѣсню... Не особенно трогательно и звучно поетъ, говоря по совѣсти. Всѣ мы точно съ похмелья, хотя никакого пира не пировали. Вкуса къ жизни у насъ нѣтъ. Что для насъ жизнь? Пиръ? Нѣтъ. Трудъ? Нѣтъ! Битва? О, нѣтъ!.. Жизнь для насъ что-то скучное, тягучее, сѣрое, какая-то обуза. Мы несемъ ее, вздыхая отъ усталости и жалуясь на тяжесть ноши. Любимъ ли мы жить? Любовъ къ жизни?.. Вѣдь это даже звучитъ совершенно чуждо нашему уху. Мы любимъ читать, спорить, мы любимъ наши мечты о будущемъ... впрочемъ, платонической любовью любимъ ихъ, безплодной любовью»... Фельетонистъ Ежовъ (въ повѣсти «Ѳома Гордѣевъ») говоритъ болѣе рѣзко, но въ томъ же смыслѣ. «Я,—говоритъ онъ,—собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей, интеллигенціи, чор-ртъ ее побери! Я-бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучшій сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей о! гниды!

Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея? Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволили побѣдить себя? Что дѣлаете? Позволяете издѣваться надъ собой.... Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и—трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька». Отсутствіе всякой самостоятельности, полное подчиненіе ума и сердца ветхой прописной морали, полное отсутствіе сколько-нибудь искреннихъ страстей, постоянное стремленіе лишь къ собственной сытости — вотъ черты, которыми характеризуется интеллигентъ въ разсказахъ Горькаго. Это человѣкъ, не только порабощенный жизнью, но совершенно изжившійся, разлагающійся...

«Смѣшные люди,—дѣлаетъ общій выводъ Макаръ Чудра.—Сбились въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько,—онъ широко повелъ рукой на степь.—И все работаютъ. Зачѣмъ, кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источитъ на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ:

Что жъ, онъ родился за тѣмъ, что ли, чтобъ поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы самому себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ морской волны веселитъ ему сердце? Эге! Онъ рабъ—какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ! Что онъ съ собой можетъ сдѣлать? Только удавиться, коли поумнѣетъ немного».

Герои Горькаго—инстинктивные враги какого бы то ни было порабощенія. Полная свобода ихъ личности всегда стоитъ для нихъ на первомъ планѣ. И никакія, даже самыя благопріятныя матеріальныя условія не могутъ побудить ихъ поступиться своими желаніями, хотя бы и очень смутными, допустить какой бы то ни было компромиссъ въ этомъ отношеніи. Коноваловъ, одинъ изъ типичнѣйшихъ «безпокойныхъ людей», разсказываетъ о томъ, какъ онъ, сойдясь съ одной богатой купчихой, могъ бы жить сыто и, тѣмъ не менѣе, бросилъ все, бросилъ купчиху, хотя и любилъ ее, и пошелъ искать чего-то новаго. Въ такомъ же родѣ исторія была и съ героемъ разсказа «Проходимецъ», да и всѣ вообще «безпокойные люди» не задумываются бросить насиженное и вполнѣ обезпечивающее ихъ мѣсто, перемѣнить вѣрное на невѣрное. Примѣровъ этого рода поступковъ можно было бы привести сколько угодно, но дѣло не въ количествѣ. Гораздо инте-

реснѣе остановиться на мотивахъ, вызывающихъ эти факты.

Коноваловъ говоритъ, что покинуть купчиху побудила его тоска. «На меня,—поясняетъ онъ,— видишь ты, тоска находитъ. Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ и, кромѣ меня, нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ — все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость и всѣ люди — хоть помирай они—не охну. Болѣзнь это у меня, должно быть. Съ нея я и пить началъ... раньше не пилъ».

И это не то, чтобы ему купчиха надоѣла. Наоборотъ, онъ ее любилъ и всегда вспоминалъ о ней съ хорошимъ чувствомъ, а просто, какъ объяснилъ онъ ей при своемъ уходѣ, онъ «самъ себѣ не подъ силу сталъ», потому, что его «куда-то потянуло».

Такъ же точно покидаетъ мельника работникъ въ разсказѣ «Тоска». Откуда эта тоска? Быть можетъ, она является слѣдствіемъ простыхъ физіологическихъ законовъ и, какъ допускаетъ самъ Коноваловъ, представляетъ собой не что иное какъ болѣзнь. Очень можетъ быть, что въ этихъ безотчетныхъ порывахъ спеціалистъ - психіатръ увидитъ что-нибудь въ родѣ алкоголизма или признаки какой-нибудь другой психической ненормальности. Діагнозъ въ этомъ направленіи, однако, не можетъ быть задачей критики. Вѣдь въ

сущности, если вѣрить психіатрамъ, всѣ люди болѣе или менѣе психически ненормальны. Намъ важно лишь констатировать наличность извѣстнаго рода типовъ, суммировать ихъ воззрѣнія, установить, какъ они сами на себя смотрятъ, какъ сами они объясняютъ причины своей вѣчной неудовлетворительности, своей тоски.

Припомните разсказъ И. С. Тургенева «Отчаянный». Герой этого разсказа, Михаилъ Полтевъ, когда его спрашивали, какой злой духъ заставляетъ его пить запоемъ, рисковать жизнью и т. п., всегда ссылался на тоску.

— «Да отчего тоска?»—допытывался у него дядя.

— «Какъ же, помилуйте? Придешь этакимъ образомъ въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска,—хоть пулю въ лобъ! Закуришь по неволѣ!»

— «Россію-то ты зачѣмъ сюда приплелъ,—возражалъ ему дядя,—все это у тебя отъ бездѣйствія».

— «Да не умѣю я ничего дѣлать, дяденька родной!.. Вы вотъ поучите меня, что мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть? Я—сію минуту».

Герои Горькаго даютъ такое же объясненіе своей тоски и почти въ такихъ же выраженіяхъ. Всѣ они въ тѣхъ или иныхъ варіаціяхъ, но указываютъ на царящую вокругъ нихъ несправедливость, а также на свою неудовлетворенность, проистекающую исключительно изъ неумѣнія ихъ приспособиться, стать дѣловыми «нужными»

людьми. «Вотъ теперь я, напримѣръ, — спрашиваетъ Коноваловъ,—что такое? Босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человѣкъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей и... и ни до чего этого даже и охоты нѣтъ. Живу и тоскую... Про что? Неизвѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ другихъ людей есть и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки и все тутъ...»

Другой рефлектикъ, сапожникъ Орловъ, особенно ярко отражаетъ это пессимистическое настроеніе. Такъ же, какъ и Коноваловъ, онъ родился «съ безпокойствомъ въ сердцѣ».

Онъ—сапожникъ. Почему? «Али, кромѣ меня,— философствуетъ онъ, — мало сапожниковъ? Какое въ этомъ для меня удовольствіе? Сижу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера... Ну и что же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги — и померъ отъ холеры. Въ чемъ же тутъ сила? и зачѣмъ это нужно, чтобы я жилъ, шилъ и померъ, а?»

Къ такимъ пессимистическимъ выводамъ приходятъ герои Горькаго исключительно потому, что не находятъ себѣ надлежащаго мѣста между

людей, не находитъ себѣ дѣла, которое считали бы достойнымъ своей работы, и потому чувствуютъ себя лишними. Всѣ они страстно желаютъ объяснить себѣ смыслъ своего существованія, общій смыслъ жизни, но задача оказывается непосильной, а съ этимъ они примириться не въ состояніи. «Тараканъ ползетъ,— говорятъ они,— и то онъ знаетъ, куда и зачѣмъ ему надо... А ты что? Ты куда?..» Ѳома Гордѣевъ, этотъ представитель безпокойнаго человѣка изъ класса купцовъ милліонеровъ, смотритъ съ завистью на кипящую вокругъ него работу людей, не думающихъ и потому легко примиряющихся и даже незамѣчающихъ окружающей ихъ пошлости. «Они, — думаетъ Гордѣевъ, — нужны, а я... ни къ чему... Мы живымъ безъ сравненія... и безъ оправданія, совсѣмъ зря... И совсѣмъ не нужно насъ... Мы всѣ — лопнемъ... ей Богу! А отчего лопнемъ? Оттого, что... лишнее все въ насъ... въ душѣ лишнее... и вся наша жизнь лишняя...»

Если хотите, то философія эта, высказываемая и другими героями Горькаго, напоминаетъ собой нѣсколько «кладбищенство» Помяловскаго. Но только «напоминаетъ». Между «кладбищенствомъ, съ его хладно-равнодушнымъ отношеніемъ къ суетѣ житейской и «недовольствомъ» Горькаго очень существенная разница. Гораздо вѣрнѣе будетъ сопоставить ихъ съ «лишними людьми» Тургенева. Дѣйствительно, всѣ эти Коноваловы, Орловы и др.—своего рода Рудины—

«лишніе люди», вышедшіе изъ среды, въ душу которой до сего времени мало кто заглядывалъ.

Между «лишними людьми» Тургенева и считающими себя «лишними» героями Горькаго, однако, есть большое и очень существенное различіе. «Лишніе люди» Тургенева ясно видятъ пошлость окружающей ихъ жизни, сначала смотрятъ на эту жизнь свысока, затѣмъ мало-помалу снисходятъ, смиряются, превращаются въ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда или Чулкатуриныхъ и успокаиваютъ себя извѣстнымъ софизмомъ о заѣвшей ихъ средѣ.

Герои Горькаго, хотя и считаютъ себя «лишними людьми», однако, въ томъ періодѣ, въ которомъ выводитъ ихъ Горькій, не смиряются. Безпокойство духа, присущее всѣмъ имъ, не позволяетъ мириться съ пошлой обстановкой или же принимать въ ней участіе безъ всякаго протеста. Въ то же время сильная вѣра въ себя, въ свои силы мѣшаетъ имъ взвалить всю вину за свои мученія на окружающее ихъ общество, на пресловутую «среду».

«Каждый человѣкъ,—говоритъ Коноваловъ,—самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не виноватъ, ежели я подлецъ есть».

«...Жизнь плохая, — возмущается Ѳома Гордѣевъ.—И что—вы все на жизнь какую-то жалуетесь? Какая жизнь? Человѣкъ—жизнь и, кромѣ человѣка, никакой еще жизни нѣтъ...».

«Люди плачутся на судьбу,—говоритъ старуха Изергиль.—При чемъ тутъ судьба? Каждый—самъ себѣ судьба».

Коноваловъ подробно излагаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

«Кто виноватъ,—говоритъ онъ,—что я пью? Павелка, братъ мой, не пьетъ—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ работаю не хуже его—однако, бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія, ни доли... А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно. Не такъ я, значитъ, родился, какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь, что всѣ люди одинаковые:—родился, пожилъ, сколько назначено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я—много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы, чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и къ себѣ самимъ мы чувствъ не имѣемъ... Матери наши не въ урочные часы зачали насъ—вотъ въ чемъ сила».

Тургеневскій «лишній человѣкъ» Чулкатуринъ также жалуется на то, что мать имъ «обремизилась», что въ теченіе всей своей жизни онъ не

находилъ себѣ мѣста и т. д., но какая огромная разница между этими жалобами! Какими жалкими, дряблыми выглядятъ всѣ эти Чулкатурины и Гамлеты Щигровскаго уѣзда передъ Коноваловыми, Гордѣевыми, Орловыми и другими «безпокойными», ищущими своей точки босяками Горькаго. Гамлеты Щигровскаго уѣзда сознаютъ и чувствуютъ, что сила человѣка лежитъ въ его индивидуализмѣ. «Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна, — говорятъ они такъ же какъ и «лишніе люди» Горькаго... Ты будь хоть глупъ, да по своему! Запахъ свой имѣй — свой собственный запахъ, вотъ что!..» Но дальше словъ не идутъ и сейчасъ же «смиряются». Для протеста у нихъ не хватаетъ силъ, недостаточно развита личность. Не такъ поступаютъ герои Горькаго. Войдя въ купеческую среду, Ѳома Гордѣевъ сразу же почувствовалъ, что здѣсь онъ лишній, но совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ хуже другихъ, а скорѣе потому, что вся окружающая среда показалась ему и пошлой, и глупой, и фальшивой. «Ему оттого плохо среди нихъ,—поясняетъ Горькій,—что онъ не понимаетъ, чего они хотятъ, не вѣритъ въ ихъ слова и чувствуетъ, что они и сами не вѣрятъ въ себя и ничего не понимаютъ». Тоскливое настроеніе, возбужденное пребываніемъ въ этой средѣ, приводитъ его къ кутежамъ, нелѣпѣйшимъ поступкамъ и дебошамъ. Цѣлыми мѣсяцами онъ проводитъ время въ обществѣ пья-

ныхъ людей, бьетъ этихъ людей, самоуправствуетъ и все-таки ни на минуту не можетъ погасить мучительнаго для него вопроса о смыслѣ собственнаго существованія, о смыслѣ жизни. О жизни людей онъ думаетъ постоянно, неотступно, это его idée fixe. Жизнь представляется ему въ видѣ «темной толпы людей, неисчислимо большой и даже страшной огромностью своей», людей, которые безсмысленно копошатся, давятъ другъ друга, жадно гоняются за деньгами. При видѣ такой удручающей картины, у Ѳомы Гордѣева постоянно являлось «одно большое неопредѣленное чувство, въ которое, какъ ручьи въ рѣку, вливались и страхъ, и возмущеніе, и жалость, и злоба, вскипало напряженное желаніе—остановить ихъ безсмысленную возню, влить въ шумъ и суету ихъ жизни что-то новое, свое, сказать имъ какія-то громкія, твердыя слова, направить ихъ всѣхъ въ одну сторону, а не другъ противъ друга».

Какъ сдѣлать это, и даже что собственно нужно сдѣлать, Ѳома Гордѣевъ не знаетъ, у него нѣтъ этихъ «твердыхъ словъ», но онъ не падаетъ духомъ, не смиряется, мучится и протестуетъ, высказываетъ свое недовольство при каждомъ удобномъ случаѣ. Просятъ рабочіе на водку, онъ хочетъ убѣдить ихъ въ безполезности ихъ работы. Приходитъ на освященіе парохода и, въ отвѣтъ на самоувѣренныя рѣчи о всемогуществѣ и величіи русскаго купечества, разра-

жается рѣзкими обличеніями по адресу его представителей, называетъ настоящимъ, именемъ всѣ дѣйствительные подвиги этихъ устроителей земли русской. Не разъ выступаетъ онъ въ роли Чацкаго, въ роли обличителя. Но это обличеніе не цѣль его жизни. Онъ обличаетъ потому, что не можетъ не обличать. Происходитъ это у него само собой при всякомъ случаѣ столкновенія съ проявленіемъ пошлости и фальши. «Вижу торжествующую свинью и протестую», говоритъ одинъ изъ героевъ Чехова. Обличеніе Гордѣева и ему подобныхъ «шатающихъ» въ этомъ же родѣ, но оно не даетъ ему внутренняго удовлетворенія, не сосоставляетъ еще той «точки», которой ищетъ Ѳома Гордѣевъ съ такимъ же энергичнымъ безпокойствомъ, какъ и Коноваловы, Орловы и вообще всѣ другіе «безпокойные» люди.

VII.

Въ чемъ, однако, заключается эта «точка», или, если ее нельзя уже обозначить вполнѣ опредѣленно, то, по крайней мѣрѣ, въ какомъ направленіи ее ищутъ? Промтовъ, герой разсказа «Проходимецъ», довольно зло причисляетъ безпокойныхъ искателей этой точки къ «особому сорту людей», родившихся отъ Вѣчнаго Жида. «Особенность ихъ, — иронизируетъ Промтовъ, — въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣста и прикрѣпиться къ нему. Внутри

ихъ живетъ тревожный зудъ желанія чего-то новаго... Мелкіе изъ нихъ никогда не могутъ выбрать себѣ штановъ по вкусу, и отъ этого всегда неудовлетворенны и несчастливы, крупныхъ ничто не удовлетворяетъ—ни деньги, ни женщины, ни почетъ...»

Чего же хотятъ тѣ «крупные», которыхъ рисуетъ намъ Горькій? Въ ихъ желаніяхъ, конечно, масса разновидностей, самыхъ пестрыхъ оттѣнковъ, но большинство жаждетъ чего-то необычайнаго, жаждетъ подвиговъ. Нѣкоторые изъ этихъ героевъ заявляютъ, что они «на сто ножей готовы броситься, лишь бы съ пользой, чтобы изъ этого облегченіе вышло людямъ». Но будничная, хотя бы и очень полезная дѣятельность, ихъ никогда не удовлетворяетъ. Не могутъ они довольствоваться ею, прежде всего потому, что всѣ они въ этомъ отношеніи слишкомъ большіе рефлектики и очень быстро улавливаютъ въ каждомъ предметѣ его тѣневыя стороны. Какъ вѣрно замѣтилъ еще Достоевскій, нашему русскому скитальцу необходимо общее всемірное счастье, чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится!

Сапожникъ Орловъ бросаетъ свою яму, поступаетъ на службу въ холерный баракъ, имѣетъ очень хорошій заработокъ. Добившись того, что его оффиціально признаютъ «нужнымъ человѣкомъ», онъ возрождается и, по собственному признанію, «прозрѣваетъ насчетъ жизни». Казалось

бы, цѣль достигнута. Безпокойство, однако, тутъ-какъ-тутъ. Орловъ начинаетъ сомнѣваться въ значеніи своего труда. Онъ помогаетъ больнымъ отъ холеры. Но развѣ это важно? Холерныхъ окружаютъ заботами, уходомъ, а сколько людей остается внѣ барака, людей въ тысячу разъ болѣе несчастныхъ, нежели эти холерные и, остаются, тѣмъ не менѣе, безъ всякаго призрѣнія. «Живешь на землѣ,—философствуетъ онъ,—ни одинъ чортъ даже и плюнуть на тебя не хочетъ. А какъ начнешь умирать — не только не позволяютъ, но даже въ изъянъ себя вводятъ. Бараки... вино... шесть съ полтиной бутылка!» Человѣкъ выздоравливаетъ, и доктора радуются, а онъ и хотѣлъ бы раздѣлить эту радость, да не можетъ, такъ какъ прекрасно знаетъ, что за порогомъ барака этого больного ждетъ жизнь «хуже холерной судороги». И вотъ опять пьянство, запой, бродяжничество, исканіе новой «точки»...

Затѣмъ, для того, чтобы приносящая пользу другимъ дѣятельность давала нравственное удовлетвореніе, нужно любить этихъ «другихъ», не тяготиться служеніемъ ближнему. Герои Горькаго для этого слишкомъ эгоистичны, потому что слишкомъ ужъ озлобила ихъ житейская несправедливость. «Кто, — комментируетъ самъ Горькій,— скажетъ про себя: вотъ я люблю! Человѣкъ, внимательно слѣдящій за собой, долго подумаетъ надъ этимъ вопросомъ, прежде чѣмъ рѣшится сказать: люблю. Всѣ знаютъ, какъ далекъ отъ

каждаго изъ насъ нашъ ближній». Всѣ, конечно, это знаютъ, но всячески маскируютъ и увѣряютъ себя и другихъ въ противоположномъ. Герои Горькаго въ этомъ отношеніи болѣе искренни. Всѣ они безъ исключенія, и спокойные и безпокойные, обязательно исходятъ изъ принципа homo homini lupus и всячески стараются задавить въ себѣ вспыхивающія порою альтруистическія наклонности. Когда Уповающій убѣждаетъ своего товарища Пляши-ногу (въ разсказѣ «Дружки») выпустить украденную ими лошадь, на которой зиждется все благосостояніе крестьянина, Пляши-нога совершенно не понимаетъ его чувства.

— «Да вѣдь,—поясняетъ Уповающій, — мнѣ, чай, жалко».

— «Чего? Кого?»

— «Кого?! Человѣка, чай...»

— «Человѣка,—протянулъ Пляши-нога.—Ахъ, ты, добрая душа, а ума нѣтъ ни шиша! Да онъ кто тебѣ, человѣкъ-то? Понимаешь ты это? Онъ, вотъ, поймаетъ тебя за шиворотъ, да и... какъ блоху—подъ ноготь!»

«Бывшіе люди», хотя и во многомъ родственные съ людьми «безпокойными», но во многомъ также и отличающіеся отъ нихъ, доводятъ этотъ взглядъ до крайности.

«Пусть, — философствуетъ одинъ изъ «бывшихъ людей,—все скачетъ къ чорту на кулички! Мнѣ было бы пріятно, если бъ земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы вдре-

безги... лишь бы я погибъ послѣднiй, посмотрѣвъ сначала на другихъ... Я — бывшiй человѣкъ... — такъ? Я отверженъ, значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Значитъ, я могу наплевать на все! Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое... всѣ манеры и прiемы отношенiй къ людямъ, существующимъ сыто и нарядно и презирающимъ меня за то, что въ сытости и костюмѣ я отсталъ отъ нихъ... и я долженъ воспитать въ себѣ что-то новое—понялъ? Такое, знаешь, чтобы мимо меня идущiе господа жизни въ родѣ Iуды Петунникова, при видѣ моей представительной фигуры—трепетъ хладный въ печенкахъ ощущали!»

Отецъ Ѳомы Гордѣева, котораго всего менѣе можно причислить къ разряду людей «безпокойныхъ», съ дѣтства внушалъ сыну, пополнившему собою впослѣдствiи ряды «безпокойныхъ людей», прямо-таки эгоистическiя воззрѣнiя на людей и альтруизмъ.

«Жалѣть людей надо,—говорилъ онъ,—это ты хорошо дѣлаешь. Только нужно съ разумомъ жалѣть... Сначала посмотри на человѣка, узнай, какой въ немъ толкъ, какая отъ него можетъ быть польза? И ежели видишь — сильный, способный къ дѣлу человѣкъ — пожалѣй, помоги ему. А еже который слабый, къ дѣлу не склоненъ — плюнь на него и пройди мимо... Тутъ... такое дѣло: упали, скажемъ, двѣ доски въ грязь—одна гнилая, а другая—хорошая, здоровая доска. Что

ты тутъ долженъ сдѣлать? Въ гнилой доскѣ — какой прокъ? Ты оставь ее, пускай въ грязи лежитъ, по ней пройти можно, чтобы ногъ не замарать... А здоровую — подними, поставь на солнце, она не тебѣ, такъ другому на что-нибудь годится...» Нужно замѣтить, что всѣ вообще герои Горькаго, какъ безпокойные, такъ и спокойные, эгоистично относятся къ своему ближнему, исходя, вѣроятно, изъ того убѣжденія, что если для нихъ собственныя ихъ выгоды стоятъ всегда на первомъ планѣ, то и другіе, конечно, придерживаются того же правила. Варенька Олесова этого нисколько не скрываетъ и даже поучаетъ этой философіи робкаго привантъ-доцента. «Вотъ человѣкъ,—недоумѣваетъ она по поводу его робости,—все боится стѣснить, быть несправедливымъ... ахъ, ты Господи. Ну, и скучно же вамъ, должно быть, жить... всегда въ удилахъ! А по моему—хочется вамъ стѣснить—стѣсните, хочется быть несправедливымъ—будьте!..»

Стѣснять себя, подавлять свои страсти по убѣжденіямъ героевъ Горькаго—не слѣдуетъ. Сильныя страсти—необходимыя принадлежности человѣка. По словамъ чорта (разсказъ «Еще о чортѣ»), люди стали «до тошноты не интересны и мелки особенно теперь, когда среди нихъ съ новой силой расцвѣтаетъ проповѣдь личнаго самоусовершенствованія и борьбы со страстями». Иванъ Ивановичъ Ивановъ, которому этотъ же чортъ извлекаетъ изъ сердца разнаго рода страсти

(честолюбіе, жалость, злобу, гнѣвъ и др.), по окончаніи этой операціи, становится «совершенно совершеннымъ» и на лицѣ его появляется «то неизъяснимое словами блаженство, которое всего болѣе свойственно прирожденнымъ идіотамъ». Оказалось, что чортъ, сдѣлавъ такую операцію, извлекъ изъ него «всю суть», совершенно его опустошилъ.

Во всемъ этомъ — много недоговареннаго, не мало противорѣчій. Одни изъ «безпокойныхъ» тоскуютъ объ общемъ благѣ, готовы броситься на сто ножей, лишь бы польза отъ этого вышла людямъ. Другіе, озлобленные, разочарованные до крайнихъ предѣловъ и жизнію и людьми, мечтаютъ только о томъ, чтобъ подняться выше всѣхъ людей и оттуда «плюнуть» на этихъ низкихъ, подлыхъ людей, не знающихъ и даже не желающихъ подняться изъ своей грязи.

Если разобраться во всѣхъ этихъ порывахъ, во всѣхъ этихъ недоговоренныхъ стремленіяхъ, нерѣдко имѣющихъ крайне дикій характеръ, то можно найти въ нихъ одно общее. Общее это можно назвать стремленіемъ сознавшей свою индивидуальность человѣческой личности освободить себя отъ всѣхъ общепринятыхъ условностей соціальной и нравственной морали. Абсолютная свобода личности для нихъ прежде всего... «Первое дѣло,—формулируетъ свою философію Коноваловъ,—человѣкъ. Ну, и больше никакихъ... По твоему выходитъ, что, пока тамъ все это передѣ-

лается — человѣкъ все такъ же долженъ оставаться, какъ теперь... Нѣтъ ты его сначала перестрой... Чтобы ему было свѣтло и не тѣсно на землѣ—вотъ чего добивайся для человѣка. Научи его находитъ свою тропу...»

Болѣе обстоятельно и подробно развиваетъ эту же тему, правда помѣщенный Горкимъ въ домъ душевно больныхъ, учитель въ разсказѣ «Ошибка»: [1]) «Ты,—говоритъ онъ,—знаешь людей въ плѣну у жизни? Это тѣ люди, которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями. Они нѣкогда боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами. Вотъ о нихъ-то говорю я и это ихъ хочу спасти... Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, а сами они враги себѣ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободы ходить, говорить и думать... И вотъ ихъ я соберу воедино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню и тамъ устрою имъ будку всеобщаго спасенія. Ты видишь—будка, а не коммуна, не фаланстеръ—это легально, не правда ли? я одинъ стану надъ всѣми ими и научу ихъ всему, что

[1]) Повидимому, основа даже этого разсказа вполнѣ реальна. Въ воспоминаніяхъ о жизни Горькаго въ Тифлисѣ, напечатанныхъ въ «Бак. Изв.» (перепечатаны въ «Спб. Вѣд.», 1903 г., № 21), разсказывается, что Горькій здѣсь наблюдалъ такого психическаго больного и подробно заносилъ свои разговоры съ нимъ въ тетрадку.

знаю. Я знаю много, больше, чѣмъ есть предметовъ для знанія, ибо я знаю всѣ ихъ плюсъ— мое знаніе!.. Мы источимъ по каплѣ соки наши на песокъ пустыни и оживимъ ее, застроивъ зданіями счастья! Среди насъ будетъ возвышаться надъ всѣми будка всеобщаго спасенія и на вершинѣ ея, подъ стеклянным колпакомъ, буду вѣчно вращаться я самъ и смотрѣть за порядкомъ среди тѣхъ, что вручены мнѣ судьбой. Я буду строгъ, но не по-человѣчески справедливъ. Я знаю высшую справедливость. Я наложу на всѣхъ одну обязанность — творить. Твори, ибо ты человѣкъ!—прикажу я каждому».

Творить, однако, герои Горькаго совершенно неспособны. Нѣтъ у нихъ опредѣленныхъ идеаловъ, нѣтъ «духа строительнаго». Крестный отецъ Ѳомы Гордѣева, положительный типъ умнаго, изворотливаго купца, всегда знающаго, что и какъ ему нужно дѣлать, вѣрящаго въ мощь русскаго купечества, Маякинъ прекрасно понимаетъ эту безпомощность безпокойныхъ людей Горькаго. «Дайте,—говоритъ онъ,—людямъ полную свободу. Ну-ка, живи? А-а! Тогда воспослѣдуетъ такая комедія: почуявъ, что узда съ него снята,— зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда духъ свой испущать... А духа этого самаго строительнаго совсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день-другой, потопорщится во всѣ стороны

и—въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина-то гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Ту-утъ его,—хе-хе-хе!—голубчика и поймаютъ настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть .. которые будутъ жизнью править не палкой, не перомъ, а пальцемъ да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго-то жару. Та-акъ-съ.. Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе,—молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева, стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики!...»

Безпокойные люди и сами чувствуютъ, что имъ трудно тягаться съ разнаго рода Маякиными, которые, какъ бы тамъ ни было, а обладаютъ и вполнѣ опредѣленными идеалами и «духомъ строительнымъ». Маякины сильны хотя бы уже тѣмъ, что ясно сознаютъ свои задачи и мало-по-малу выполняютъ ихъ, созидаютъ тотъ «порядокъ», который гнететъ «безпокойныхъ», подобныхъ Ѳомѣ Гордѣеву, какъ тюрьма, и въ которомъ, по словамъ того же Ѳомы Гордѣева, «душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ»...

«Безпокойные» люди всѣхъ временъ и народовъ давно уже возмущаются этимъ «порядкомъ», въ которомъ такъ хорошо, тепло и уютно живется лишь людямъ, не вникающимъ въ сущность окружающихъ ихъ условій и воспитаннымъ въ этихъ условіяхъ.

Припомните Пушкинскаго Алеко. Онъ страстно негодовалъ на «неволю душныхъ городовъ», гдѣ

...люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой
Ни вешнимъ запахомъ луговъ.
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей...

Печоринъ, также вполнѣ сознательно отказался вступить на открытый ему судьбою путь, гдѣ его ожидали «тихія радости и спокойствіе душевное». И Пушкинъ и Лермонтовъ были живымъ, вполнѣ реальнымъ протестомъ противъ окружавшей ихъ пошлости, но, въ концѣ концовъ, должны были такъ или иначе сознать, что, протестуя противъ этой пошлости, они теряютъ лишь время, «благіе мысли и труды». Алеко бѣжитъ изъ этого общества къ цыганамъ, а Пушкинъ бросаетъ своимъ современникамъ горькій, полный презрительной ненависти упрекъ:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ...

«Безпокойные» герои Горькаго—прямые потомки Пушкинскихъ, Лермонтовскихъ Тургенев-

скихъ и другихъ безпокойныхъ людей, но только вышли они изъ другой среды. Первые кадры «безпокойныхъ», конечно, должно было дать высшее свѣтское общество. Представители этого общества раньше другихъ выступили на поприще самостоятельной умственной работы и раньше другихъ, не безъ вліянія, конечно, европейскихъ «безпокойныхъ» Руссо, Вольтера, Байрона, Шатобріана и др., замѣтили ту пошлость, пустоту и ложь, которая нигдѣ не царитъ въ такой степени, какъ въ свѣтскихъ салонахъ и гостиныхъ. Отъ Алеко, Печориныхъ Онѣгиныхъ, и, пожалуй, Безуховыхъ это недовольство жизнью, исканіе чего-то болѣе высокаго, волнообразно, нашло себѣ дальнѣйшее распространеніе въ кругахъ, близко соприкасающихся съ высшимъ столичнымъ обществомъ. «Безпокойство» заглянуло въ отдаленныя отъ центровъ дворянскія гнѣзда. Во времена Пушкина въ этихъ гнѣздышкахъ мирно ворковали еще Афанасіи Ивановичи съ Пульхеріями Ивановнами, благодушествовали Маниловы, Ноздревы, Собакевичи... А спустя нѣсколько лѣтъ, подъ тѣми липами, въ тѣхъ же барскихъ домахъ съ колонадами задумались, забезпокоились Гамлеты Щигровскаго уѣзда, Чулкатурины, послышались горячія рѣчи Лежневыхъ въ защиту и честь безпокойныхъ людей, не удовлетворившихся будничнымъ и сѣренькимъ существованіемъ. Достоевскій, едва ли не первый обратившій серьезное вниманіе на этихъ скитальцевъ,

считалъ ихъ принадлежностью исключительно интеллигентнаго общества и объяснялъ ихъ тѣмъ, что общество это оторвалось отъ народа, отъ народной силы. Горькій своими «босяками» подорвалъ эту излюбленную теорію Достоевскаго. Онъ показалъ воочію, что волна недовольства коснулась, наконецъ, той среды, которая какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ была еще связана по рукамъ и ногамъ и потому лишена какой бы то ни было возможности присоединиться къ общему протесту и даже сознательно къ нему отнестись... Байрону, впрочемъ, пришлось сыграть немалую роль и въ судьбѣ Горькаго. Одинъ изъ товарищей Горькаго по Тифлису разсказываетъ, что въ 1892 г. Горькій сильно увлекался Байрономъ [1]). Такимъ образомъ устанавливается генеалогическое звено между босяками Горькаго и Печориными, Онѣгиными, Рудиными. Да, мужики Горькаго, превратившіеся въ безпокойныхъ босяковъ — прямые потомки безпокойныхъ дво-

---

[1]) Не разъ, — разсказываетъ авторъ этихъ воспоминаній,—Горькій звалъ меня къ себѣ въ комнату (у него была отдѣльная комната) и съ особеннымъ увлеченіемъ читалъ мнѣ «Манфреда» и «Каина». Когда теперь воскрешаю въ памяти зимніе вечера 1892 года въ подвальномъ этажѣ, въ довольно просторной комнатѣ, но съ бѣдной обстановкой, и вижу передъ собою мощнаго по фигурѣ Максимыча, разсказывающаго свои мытарства и скитанія по обширной Россіи, полныя бѣдности, лишеній, страданій и борьбы, то становится мнѣ понятнымъ его восторженное увлеченіе Байрономъ: Байронъ поддерживалъ въ немъ

рянъ и разночинцевъ, которые своимъ тревожнымъ исканіемъ смысла жизни и протестомъ противъ окружавшей ихъ пошлости не позволяли до сихъ поръ нашей общественной жизни превратиться въ стоячее болото, разгоняли затягивавшую ее плѣсень, будили общественную мысль и самосознаніе. «Безпокойные» люди Горькаго выступили съ такимъ же страстнымъ протестомъ, какъ и Пушкинъ, «свободы сѣятель пустынный», такъ же, какъ Пушкинъ, они потребовали для себя полной, ничѣмъ не ограничиваемой свободы. Всѣ они мечтаютъ о такомъ по-

---

уже теплившійся въ груди его духъ недовольства настоящимъ, духъ протеста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уносилъ его вмѣстѣ съ Манфредомъ въ заоблачные края:

«Въ міръ новый, міръ иной,
Гдѣ слезъ не надо проливать,
Гдѣ крикъ души больной
Не станетъ сердце разрывать
Щемящею тоской».

Въ томъ же монологѣ, являющемся прекрасной иллюстраціей его тогдашняго настроенія, онъ, обращаясь къ Богу, говоритъ: «Богъ Всемогущій! оживи твоимъ дыханіемъ изстрадавшееся отъ желаній и отравленное жизнью бѣдное маленькое сердце! Простри изъ бездонно голубого моря незнающую невозможнаго длань Твою и дотронься ею до этой груди, разрываемой бурей горя, клокочущаго въ ней! Помоги мнѣ, Великій, все понять и все любить и дай мнѣ силу и право наказывать и прощать и воскрешать умершія сердца. Да родится въ груди моей эта любовь и да освѣтитъ мракъ жизни этой». «Спб. Вѣдомости», 1903 г., № 21 (22 янв.).

рядкѣ, при которомъ они могли бы чувствовать себя свободными «отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ существованіе, отъ всякихъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ жизнь, что она уже становится не удовольствіемъ, а скучнымъ тяжелымъ лукошкомъ обязанностей, въ родѣ обязанности... все дѣлать такъ, какъ принято, а не такъ, какъ тебѣ хочется»...

Само собой понятно, что такого рода свободолюбивыя стремленія не могутъ найти себѣ мѣста въ условіяхъ обычной общественной жизни. «Порядокъ», поддерживаемый многомилліонной массой и нимало не колеблемый напоромъ небольшой кучки «безпокойныхъ», не оставляетъ мѣста для ихъ свободолюбивыхъ стремленій... Не остается въ немъ также мѣста и для тѣхъ необычныхъ геройскихъ подвиговъ, о которыхъ говорилось выше. «Безпокойнымъ» приходится, по примѣру своихъ предшественниковъ, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и выйти изъ района давящаго ихъ «порядка». Они такъ и дѣлаютъ. Не будучи въ состояніи ничего перестроить, «безпокойные» герои Горькаго предоставляютъ «мирнымъ народамъ» пастись», заботятся лишь каждый о себѣ лично и находятъ удовлетвореніе въ жизни внѣ общества, въ независимомъ существованіи бродяги.

«Бродяжья» жизнь нравится имъ потому, что это «птичья жизнь», потому что въ ней нѣтъ

обязанностей и нѣтъ законовъ, потому что въ ней все позволено... Ѳома Гордѣевъ мечется изъ стороны въ сторону, ищетъ своей «точки», до тѣхъ поръ, пока ему не приходитъ въ голову мысль освободиться отъ своего богатства путемъ передачи дѣла и денегъ Маякину, а случайно встрѣтившій его странникъ не указываетъ ему, какъ на выходъ изъ его положенія, на вольную жизнь бродяги.

И посмотрите, съ какимъ восторгомъ, съ какою любовью, даже энтузіазмомъ говорятъ безпокойные люди объ этой вольной жизни. Странникъ, убѣждающій Ѳому Гордѣева бросить пошлую будничную жизнь, развертываетъ передъ его глазами замѣчательную по своей поэтичности и задушевному тону картину вольной жизни.

«...Выдь-ка ты, — говоритъ онъ, — на дорогу вольную, на поля, на степи, на равнины, горы... выдь, да посмотри на міръ съ воли, издали... Зашумятъ вокругъ тебя лѣса дремучіе сладкими голосами о мудрости Господа; запоютъ тебѣ птички Божіи о святой славѣ Его, а степныя травы курятъ ладаномъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ... Смотришь въ небо, лежа гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, а оно все къ тебѣ опускается, какъ обнять тебя хочетъ... На душѣ тепло и тихорадостно, ничего-то тебѣ не хочется, ничему не завидно... Такъ вотъ и кажется, что на всей землѣ только ты да Богъ»...

«...Люблю я, другъ,—говоритъ другой герой Горькаго — Лакутинъ, — эту бродяжную жизнь. Оно и холодно и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ... Звѣзды мигаютъ мнѣ, ровно говорятъ: ничего, Лакутинъ, ходи, знай, по землѣ и никому не поддавайся». Коноваловъ, послѣ многихъ мучившихъ его сомнѣній о безполезности своего существованія, успокаивается на томъ, что рѣшаетъ, «ходить по землѣ въ разныя стороны». «Это,—говоритъ онъ,—всего лучше—идешь и все видишь новое, и ни о чемъ не думаешь». Чисто внѣшнія неудобства вольнаго существованія мало смущаютъ свободолюбивыхъ героевъ Горькаго. «Шесть лѣтъ,—говоритъ самъ о себѣ одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ индивидуализма,—я путешествую и, ничего себѣ, не жалуюсь Богу моему на судьбу. Объ этомъ времени я не буду разсказывать, ибо оно слишкомъ однообразно... Въ общемъ, это веселая птичья жизнь. Только зеренъ не хватаетъ... но не надо быть слишкомъ требовательнымъ, памятуя, что даже лица, на тронахъ сидящія, не одни только удовольствія испытываютъ. Въ такой жизни, какъ эта, нѣтъ обязанностей—это первое хорошее, и нѣтъ законовъ, кромѣ законовъ природы—это второе. Конечно, господа урядники иногда безпокоятъ... но и въ хорошихъ гостинницахъ блохи водятся... Зато вы можете идти: направо, налѣво, впередъ, всюду, куда

васъ влечетъ, а если не влечетъ никуда, запасись отъ мужика хлѣбомъ—онъ добръ и всегда дастъ—запасись хлѣбомъ и лежи, дондеже тебя не потянетъ куда-нибудь»...

Вотъ конечный пунктъ, до котораго доходятъ всѣ «безпокойные люди», то направленіе, въ которомъ они предполагаютъ найти свою точку. Самъ Горькій вполнѣ раздѣляетъ ихъ вкусы въ этомъ отношеніи. «Нужно, — говоритъ онъ уже отъ себя,—родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе жить всю жизнь среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ малыхъ ядовитыхъ лжей изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій,— однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ, въ общемъ далеко не вѣрно и не точно называемой — культурой. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы спустя нѣкоторое время у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ... Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно, — или идти гулять по полямъ и дорогамъ родины, что весьма любопытно, очень освѣжаетъ и не требуетъ никакихъ средствъ,

кромѣ хорошихъ выносливыхъ ногъ». Такимъ образомъ, «бродяжья», «птичья» жизнь, повидимому, является той «точкой», достигнувъ которой «безпокойные» люди успокаиваются.

VIII.

Что же проповѣдываетъ самъ Горькій? Очень многіе смотрятъ на его босяковъ и другихъ безпокойныхъ людей, какъ на носителей его собственныхъ идеаловъ, какъ на проповѣдь бродяжьей «птичьей» жизни, основанной на принципѣ «все позволено», и склонны даже приписать лично Горькому совершенно неприсущую ему суровость и жестокость.

Англійскій критикъ Диллонъ зашелъ въ этомъ отношеніи настолько далеко, что даже увидѣлъ въ Горькомъ черты характера, унаслѣдованныя отъ его дѣда, отличавшагося жестокимъ обращеніемъ съ солдатами...

Я, конечно, затрудняюсь и даже не считаю себя въ правѣ останавливаться на выясненіи личнаго характера Горькаго, но въ то же время не могу пройдти мимо такого совершенно ни на чемъ не основаннаго взгляда, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ совершенно невѣрное освѣщеніе всей литературной работѣ Горькаго.

Вотъ нѣсколько фактовъ, совершенно случайныхъ, которые показываютъ, какой черствый и

суровый человѣкъ Горькій, насколько онъ проникнутъ эгоизмомъ.

Въ 1899 и 1900 годахъ мы видимъ Горькаго хлопочущимъ по устройству елки для нижегородской дѣтворы [1]). Въ Нижегородскую библіотеку онъ постоянно жертвуетъ большое число книгъ [2]). Постоянно заботясь о низшей братіи, «золотой ротѣ», живущей «на днѣ», онъ устраиваетъ въ Н.-Новгородѣ, въ компаніи съ однимъ изъ купцовъ, для этой братіи, спеціальный пріютъ [3]). Онъ дѣятельный членъ общества помощи нуждающимся женщинамъ [4]), принимаетъ участіе въ цѣломъ рядѣ благотворительныхъ увеселеній [5]), заботится о помощи школѣ, дѣтямъ и земскимъ учителямъ... [6]). Уже эти нѣсколько случайныхъ фактовъ достаточно ясно показываютъ, насколько велика проницательность тѣхъ критиковъ, которые готовы отожествить Горькаго съ наиболѣе эгоистичнымъ и озлобленнымъ изъ его босяковъ.

Столь же правы эти критики, когда они стараются доказать какъ автору, такъ и другимъ, что существованіе описываемыхъ имъ «безпо-

---

[1]) «Нижегор. Лист.», 1900 г., № 347.

[2]) «Волгарь», 1900 г. № 312.

[3]) «Южн. Обозр.», 1901 г., № 1651.

[4]) «Нижегор. Лист.», 1901 г., № 32.

[5]) «Петерб. газ.», 1901 г., № 248. «Моск. Лист.» 1901 г., № 249.

[6]) «Пермск. Губ. Вѣд.», 1901 г., № 254.

койныхъ» людей при твердомъ государственномъ «порядкѣ», невозможно; и что поэтому и нарисованные имъ босяки не реальны и въ природѣ не существуютъ. «До сихъ поръ,—говорятъ эти критики,—мы смотрѣли на босяка, какъ на пьяницу, и никуда негоднаго человѣка, а онъ оказывается—философъ, знакомый чуть ли не со всѣми философскими системами, начиная съ Гегеля».

Прежде всего, какъ-то забывается, что если указываютъ на существованіе среди босяковъ извѣстныхъ типовъ, то это не значитъ еще, чтобы всѣ босяки именно были Коноваловыми, Орловыми и т. п. Среди купцовъ есть Гордѣевы, но есть также и Маякины, Соломины и др. Лермонтовъ назвалъ своего Печорина—героемъ своего времени, но никто, конечно, не толковалъ этого въ томъ смыслѣ, что весь свѣтскій кругъ того времени представлялъ собой Печориныхъ или Онѣгиныхъ. Еще Достоевскій замѣтилъ, что огромное большинство русскихъ и тогда при Пушкинѣ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, или на желѣзныхъ дорогахъ или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются—и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, игрой въ преферансъ безъ всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы. А что «люди, рожденные съ безпокойствомъ въ сердцѣ» и потому всю жизнь упорно ищущіе, стра-

стно и серьезно думающіе надъ смысломъ жизни, возможны и въ средѣ, на которую до сего времени мы мало обращаемъ вниманія, доказалъ самъ Горькій своей личной жизнью. Пусть онъ—самородокъ, явленіе совершенно исключительное, но за нимъ тянется въ нисходящемъ порядкѣ рядъ менѣе даровитыхъ, менѣе исключительныхъ, но столь же «безпокойныхъ», не находящихъ себѣ удовлетворенія въ условіяхъ обычной жизни людей, которые ищутъ своей «точки». Припомните хотя бы нашихъ бѣгуновъ.

Правда, въ дѣйствительности они, можетъ быть, не столь оригинальны и героичны, какъ въ художественномъ изображеніи Горькаго, быть можетъ, въ разсказахъ о своихъ похожденіяхъ, всѣ эти босяки немножко сочиняютъ? Такое предположеніе вполнѣ вѣроятно, тѣмъ болѣе, что и сами они неоднократно на это намекаютъ. «Весьма вѣроятно, я тутъ многое сочинилъ,—говоритъ Промтовъ («Проходимецъ»), заканчивая повѣствованіе о своихъ странствованіяхъ,—но, ей Богу, если я навралъ, я навралъ въ фактахъ. Вы смотрите не на нихъ, а на мой способъ изложенія—онъ, увѣряю васъ, съ подлиннымъ души моей вѣренъ. Я далъ вамъ жаркое изъ фантазіи подъ соусомъ изъ чистѣйшей истины»... «Безпокойные люди», быть можетъ, идеализированы, но во всякомъ случаѣ,—не идеалъ, который ставилъ бы намъ писатель.

Однако, если это такъ, то чему же онъ учитъ? Вопросъ этотъ Горькій задаетъ самъ себѣ въ замѣчательномъ по своей искренности разсказѣ «Читатель», на который почему-то мало обращаютъ вниманія реальные читатели, и даетъ на него вполнѣ искренній отвѣтъ. Внимательно заглянувъ вглубь себя, Горькій открылъ въ себѣ немало добрыхъ чувствъ и желаній, немало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства, объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, не нашелъ въ себѣ»... Онъ нисколько не скрываетъ, что его мучатъ многочисленныя сомнѣнія, которыя такъ потрясаютъ его умъ, такъ давятъ сердце, что долгое время онъ существуетъ, «внутренно опустошенный». «Что же я могу сказать людямъ,—спрашиваетъ себя Горькій?—То, что уже давно говорили имъ и всегда говорятъ, что находитъ себѣ слушателей и не дѣлаетъ людей лучшими? Но имѣю ли я право проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанный на нихъ, часто поступаю не такъ, какъ они повелѣваютъ»?

Вполнѣ естественно, при той искренности, которой отличается Горькій, что онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно и отказался, говоря словами Суркова («Мужикъ»), заключить себя въ готовые уже «кандалы свободомыслія» и «колодки разныхъ измовъ». Онъ не счелъ нужнымъ скрывать своихъ сомнѣній и не побоялся

открыто заявить, что ни одно изъ существующихъ міровоззрѣній его не удовлетворяетъ и что онъ ищетъ своего собственнаго новаго пути. Всѣ его разсказы—лишь правдивое отраженіе его собственныхъ настроеній, его страстныхъ исканій, его «безпокойства». То, что въ нихъ отразилось знакомство съ философіей Шопенгауера, иногда Нитцше [1]), нисколько не подрываетъ ихъ искренности. Вполнѣ естественно, что человѣкъ, обуреваемый всякаго рода сомнѣніями, мучимый проклятыми вопросами, ищетъ на нихъ отвѣта вездѣ и всюду. Познакомившись съ ученіемъ Нитцше, почва для котораго давно уже подготавливалась у насъ нашими же писателями вполнѣ самостоятельно (при помощи хотя бы Раскольникова, довольно опредѣленно нарисовавшаго образъ сверхъ-человѣка), Горькій, конечно, не могъ не подпасть наравнѣ съ другими подъ вліяніе этого философа. Но это еще не значитъ, какъ его иногда въ томъ упрекаютъ, чтобы его герои были искусственнымъ воспроизведеніемъ нитцшеанскихъ идей, а самъ Горькій лишь отраженіемъ нѣмецкаго философа. Пушкинъ остался Пушкинымъ, хотя и испыталъ на себѣ вліяніе Байрона и Шатобріана. Въ такомъ же точно отношеніи находится и Горькій съ Нитцше.

---

[1]) Въ разсказѣ «О чортѣ» Горькій называетъ своего чорта «нитцшеанскимъ, а значитъ и самымъ моднымъ» чортомъ.

Горькій нисколько не скрываетъ своего знакомства съ другими писателями, но въ то же время говоритъ, что отвѣты, которые онъ нашелъ у этихъ другихъ, его не удовлетворяютъ и что, не примкнувъ къ чужому, онъ не успѣлъ еще выработать и своего собственнаго міровоззрѣнія[1]. «Одно я знаю,— говоритъ онъ,—не къ счастью нужно стремиться, зачѣмъ счастье? Не въ счастьи смыслъ жизни, и довольствомъ собой не будетъ удовлетворяться человѣкъ,—онъ все-таки выше этого. Смыслъ жизни въ красотѣ и силѣ стремленія къ цѣлямъ и нужно, чтобы каждый моментъ бытія имѣлъ свою высокую цѣль»!..

Изъ этого общаго взгляда Горькаго на смыслъ жизни вытекаетъ и болѣе частный взглядъ на его задачи, какъ писателя. Современный человѣкъ, по его мнѣнію, упалъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желаніе жить съ достоинствомъ изсякаетъ... Надъ жизнью носится запахъ гніенія, трусость и холопство пропитываютъ серд-

---

[1]) Всѣ «безпокойные» герои Горькаго прямо высказываются въ томъ смыслѣ, что книга — сама по себѣ лишь пособіе, орудіе, но что успокоиться на заключающихся въ ней отвѣтахъ невозможно. «Книги,— поучаетъ Ѳому Гордѣева отецъ, — дѣло малое... Онѣ — инструментъ, а тому, какъ въ дѣло его употребить,—инструментъ не научитъ». Люба Маякина, все время читающая книги, является какъ бы иллюстраціей этого положенія.

ца, лѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами...[1]). Но въ то же время жизнь растетъ и въ ширь, и въ глубь, а люди съ каждымъ днемъ учатся спрашивать. Отвѣчать на ихъ запросы долженъ писатель, но не только картинами этого разложенія, не только жалкими словами. Обязанность писателя, по мнѣнію Горькаго, возбудить въ человѣкѣ жажду жизни, жажду свободы, выступить съ призывомъ къ творчеству, заговорить о духѣ смятенномъ и о необходимости возрожденія духа. Однѣми фотографическими картинками сѣренькихъ будней ничего достигнуть нельзя. Нужно писать такъ, чтобы написанная картина «вызывала въ человѣкѣ мстительный стыдъ и жгучее желаніе создать иныя формы бытія»... «Мы,—говоритъ Горькій,—кажется, снова хотимъ грезъ, красивыхъ вымысловъ, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бѣдна красками, тускла, скучна! Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сло-

[1]) «Мы,—писалъ Горькій въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ,—живемъ въ странное время оскудѣнія энергіи, въ равнодушные, скептически тусклые дни, и на нашей обязанности лежитъ исправить это, расцвѣтить жизнь желаніями, оживить ее поступками, облагородить мыслью и всячески сдѣлать ее болѣе разумной, живой и разнообразной. Мы ничего не дѣлаемъ въ этомъ направленіи, прикрываясь отъ укоровъ совѣсти, какъ щитомъ, нашимъ амплуа маленькихъ, шаблонныхъ, дюжинныхъ людей». «Самарская Газета», 1895 г., № 160. Особенно рѣзко высказанъ этотъ взглядъ въ разсказѣ «О писателѣ, который зазнался».

мила и смяла насъ... Что жъ дѣлать? Попробуемъ, быть можетъ, вымыселъ и воображеніе помогутъ человѣку ненадолго подняться надъ землею и снова высмотрѣть на ней свое мѣсто, потерянное имъ».

И вотъ, поставивъ себѣ такую задачу, Горькій выводитъ передъ читателемъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ героевъ, въ общемъ похожихъ другъ на друга своимъ романтическимъ героизмомъ. Всѣ эти герои клянутъ жизнь, ненавидятъ людей, не находятъ мрачныхъ красокъ для изображенія того будничнаго сѣренькаго и пошленькаго существованія, среди котораго имъ приходится жить, но въ то же время всѣ они любятъ жизнь, чувствуютъ «смакъ къ жизни». Мрачныя краски — лишь средство, при помощи котораго Горькій надѣется вызвать въ человѣкѣ «мстительный стыдъ и жгучее желаніе создать иныя формы бытія»... Всѣ герои, не только «безпокойные», но даже спокойные, являются въ рукахъ писателя орудіемъ для возбужденія въ человѣкѣ «позорныхъ, бездушныхъ и безсильныхъ девяностыхъ годовъ» — вкуса къ жизни. Дѣловитый Маякинъ, негодуя на дряблость молодого поколѣнія, готовъ прибѣгнуть къ самымъ жестокимъ средствамъ, лишь бы только «огня имъ въ жилы пустить». Варенька Олесова все время толкуетъ, что люди «были бы интереснѣе, если-бы они были живѣе, больше бы смѣялись, пѣли, играли, были бы болѣе смѣлыми, болѣе силь-

ными, даже дерзкими... грубыми». Въ своихъ разсказахъ Горькій съ тою же цѣлью, не разъ выводитъ красивыхъ, сильныхъ животноподобныхъ людей и любуется ими только для того, чтобы возбудить любовь къ жизни въ людяхъ слабыхъ, которыхъ онъ отъ души жалѣетъ. Въ прекрасной повѣсти «Двадцать шесть и одна» торжествуетъ грубый негодяй солдатъ, чуть ли ни въ одинъ день соблазняетъ дѣвушку, на которую почти молились 26 добрыхъ, хорошихъ пекарей, не ставшихъ, однако, на ея защиту. Горькій жалѣетъ этихъ добрыхъ пекарей, но въ то же время негодуетъ за ихъ дряблость и потому, скрѣпя сердце, казнитъ ихъ проходимцемъ-солдатомъ. Архитекторъ Шебуевъ выступаетъ съ горячей рѣчью, въ которой не мимоходомъ, не доказательствами отъ противнаго, а, прямо уже называя вещи ихъ именами, старается убѣдить, что жизнь прекрасна, и что ее слѣдуетъ любить. «Неправда,—говоритъ онъ,— что жизнь мрачна, неправда, что въ ней только язвы да стоны, горе и слезы! Даже въ ея мрачномъ есть благородное и красивое. Среди ея язвъ есть благородныя раны, полученныя въ битвахъ за права людей, за расширеніе для нихъ пути къ свѣту и свободѣ! Среди ея стоновъ звучатъ благородныя проклятія побѣжденныхъ героевъ, звучатъ и призываютъ къ мести! Въ потокѣ слезъ есть и слезы радости... Въ ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и свѣтлое, чарующее, красивое. Въ ней

есть все, что захочетъ найти человѣкъ, а въ немъ есть сила создать то, чего нѣтъ въ ней! Этой силы мало сегодня, — она разовьется завтра. Жизнь — прекрасна, жизнь величественное, неукротимое движеніе ко всеобщему счастью и радости. Я вѣрю въ это, я не могу не вѣрить въ это! Я прошелъ тяжелый путь... никто изъ васъ и даже всѣ вы вмѣстѣ не знали столько горя, страданій и униженій, какъ я зналъ! О, да, я зналъ! Съ меня живьемъ сдирали кожу, да сдирали! Мнѣ грубыми руками раскрывали сердце и плевали въ него плевками пошлаго издѣвательства надо мной... Меня однажды били пучкомъ сосновой лучины по спинѣ, и докторъ въ больницѣ вынулъ изъ моего мяса сорокъ семь занозъ... Но — жизнь прекрасна!.. Вѣдь я пришелъ снизу, со дна жизни, оттуда, гдѣ грязь и тьма, гдѣ человѣкъ еще полузвѣрь, гдѣ вся жизнь—только трудъ ради хлѣба... Тамъ она льется медленно, темнымъ, густымъ потокомъ, но и тамъ сверкаютъ на солнцѣ неоцѣнимые алмазы великодушія, ума, героизма, и тамъ есть любовь, и тамъ красота—всюду, гдѣ есть человѣкъ, есть и хорошее! Въ крупицахъ, въ малыхъ зернахъ, да! но — есть! И зерна не гибнутъ всѣ: они растутъ и расцвѣтаютъ, и дадутъ плодъ своей жизни! Дадутъ! Повѣрьте мнѣ, что человѣкъ всюду носитъ въ себѣ Бога, и гдѣ бы, и чѣмъ бы онъ ни былъ, онъ останется человѣкомъ, и есть лучшее на землѣ! Право мое

вѣрить такъ я дорого купилъ, да! — но зато я имѣю это право на всю жизнь! И въ этомъ правѣ другое я имѣю — право требовать, чтобы и вы вѣрили такъ же, какъ я, ибо я есть правдивый голосъ жизни, грубый крикъ тѣхъ, которые остались тамъ, внизу, отпустивъ меня къ вамъ для свидѣтельства о страданіяхъ ихъ! Они тоже хотятъ наверхъ—къ самосознанію, къ свѣту, свободѣ»...

Въ послѣднихъ словахъ этой горячей рѣчи слышится, впрочемъ, одна нотка, которой не замѣтно было въ рѣчахъ другихъ героевъ Горькаго, повидимому, не менѣе Шебуева обуреваемыхъ жаждой жизни, а именно—указаніе на то направленіе, въ которомъ должны работать люди, когда они получатъ возможность строить. Архитекторъ Шебуевъ, по происхожденію мужикъ, ставитъ себѣ и другимъ, ему подобнымъ, близкую и вполнѣ опредѣленную задачу: «не забывать о товарищахъ, живущихъ въ грязи», пополнять немногочисленные еще ряды демократовъ...

Задача, какъ видите, не новая. Не новы также и средства, при помощи которыхъ Шебуевъ, по крайней мѣрѣ, пытался ее осуществлять. Порицая дѣятельность интеллигенціи, онъ пошелъ по пути, проложенному этой же интеллигенціей: сталъ строить народный театръ, задумалъ открыть народный домъ, библіотеку и т. д.

Если, однако, оставить въ сторонѣ всѣ эти довольно шаблонные планы, о которыхъ гово-

рилъ Шебуевъ только вскользь, то въ немъ мы узнаемъ обычнаго героя Горькаго, протестующаго противъ пошлой и дряблой дѣйствительности нашего времени, изъ разряда «безпокойныхъ». Въ сущности незаконченный Горькимъ Шебуевъ — тотъ же Коноваловъ, тотъ же Гордѣевъ, съ той только разницей, что, любя жизнь не меньше ихъ, онъ нашелъ въ себѣ силы не быть эгоистомъ, не искать этой жизни въ свободномъ и независимомъ существованіи бродяги, а предпочелъ бороться съ обычными тягостными для другихъ условіями пошлой дѣйствительности, чтобы избавить отъ нихъ себя и другихъ. Разница, конечно, весьма существенная, но въ общемъ, въ конечныхъ своихъ цѣляхъ и Шебуевъ, и Гордѣевъ, и Коноваловъ мечтаютъ объ одномъ и томъ же, однимъ и тѣмъ же возмущаются, одинаково, страстно жаждутъ жизни настоящей, чуждой всего пошлаго и дряблаго, стремятся къ самосознанію, къ свѣту, къ свободѣ.

IX.

Какъ уже отмѣчено было выше, проповѣдь индивидуализма, которую мы слышимъ теперь изъ устъ героевъ Горькаго, раздавалась уже въ нашей литературѣ не разъ. Съ нею, почти сто лѣтъ тому назадъ выступили наши романтики, также мало удовлетворявшіеся окружающей дѣйствительностью, также придававшіе первен-

ствующее значеніе личности, жаждавшіе подвиговъ. Пушкинъ, съ небывалой до него яркостью и смѣлостью, поставилъ на пьедесталъ человѣка, потребовалъ освобожденія себя и другихъ отъ узъ свѣтской и прописной морали. Дальнѣйшая литература наша, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, была прямымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ этого принципа. Бѣлинскій выступилъ какъ бы трибуномъ, проповѣдникомъ этого новаго направленія, далъ ему формулировку. Григоровичъ, Тургеневъ, гр. А. К. Толстой и Достоевскій продолжали работу, начатую Пушкинымъ. Недаромъ же Тургеневъ всегда называлъ Пушкина своимъ учителемъ, своимъ недосягаемымъ образцомъ... Наша новѣйшая литературная школа продолжала работать и думать надъ человѣческой личностью, ставить эту личность все выше и выше. Можно даже указать въ зародышѣ совершенно нитцшеанскія идеи, высказанныя у насъ задолго до того, чѣмъ ихъ высказалъ Нитцше. Достоевскій въ своемъ Раскольниковѣ значительно раньше нѣмецкаго философа развилъ индивидуалистическое ученье о сверхъ-человѣкѣ. По теоріи Раскольникова, «люди раздѣляются вообще на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), т. е., такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія людей себѣ подобныхъ и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ своей средѣ новое слово». Назначеніе первыхъ

быть «послушными», назначеніе вторыхъ—творить жизнь. Имъ, какъ и сверхъ-человѣку, для достиженія ихъ высшихъ цѣлей позволяется даже «перешагнуть черезъ кровь». Раскольниковъ давнымъ давно уже проповѣдывалъ, что огромная масса людей — матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, черезъ какое-то усиліе породить на свѣтъ, ну, хотя одного сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка, и что геніальные люди рождаются изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершители человѣчества, по истеченіи многихъ тысячъ людей...». Ученіе Нитцше, проникшее къ намъ въ недавнее, сравнительно, время, увеличило число адептовъ индивидуализма, которыхъ теперь немало можно встрѣтить и въ литературѣ, и въ жизни. Примѣровъ приводить не буду, но желающіе очень легко могутъ найти ихъ сами, взявъ въ руки стихотворенія гг. Минскаго, Бальмонта, Мережковскаго, критическія статьи Волынскаго и многія другія. Само собой понятно, что наравнѣ съ развитіемъ индивидуализма развивалось и противоположное ему ученіе. Графъ Л. Н. Толстой, съ его требованіемъ подчиненія личности строгимъ нравственнымъ правиламъ, наиболѣе яркій представитель этого ученія, встрѣтилъ себѣ большое сочувствіе, пріобрѣлъ себѣ послѣдователей, не только признававшихъ его ученіе на словахъ, но пытавшихся и пытающихся перестроить на основаніи его свою дѣйствительную жизнь.

Между этими двумя совершенно противоположными пунктами, до которыхъ доходили искатели смысла жизни, конечно, существуетъ цѣлая сѣть промежуточныхъ, менѣе яркихъ посредствующихъ звеньевъ, близко примыкающихъ къ одному изъ двухъ главныхъ исходныхъ пунктовъ. Какое изъ двухъ этихъ ученій имѣетъ болѣе послѣдователей сказать трудно. Я думаю, что многочисленнѣе индивидуалисты, такъ какъ человѣкъ, по самой своей природѣ, все-таки болѣе эгоистъ, нежели альтруистъ. Наиболѣе яркій проповѣдникъ индивидуализма, Нитцше не проповѣдываетъ умерщвленія плоти, непротивленія злу, не требуетъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они смиряли себя, приноравливались къ какой бы то ни было морали, стѣсняли себя. Ближайшій выводъ изъ его философіи таковъ: живи—какъ хочешь. Если окажется, что ты сверхъ-человѣкъ, да будетъ тебѣ все позволено; если же нѣтъ—дѣлать нечего, давай дорогу другимъ, ложись, и пусть по костямъ твоимъ прокладываютъ себѣ дорогу болѣе сильные. У Нитцше не можетъ быть такихъ послѣдователей, какъ у Толстого, которые говорятъ, что въ принципѣ они вполнѣ раздѣляютъ высокіе идеалы своего учителя, а на дѣлѣ... живутъ, какъ имъ хочется. Нитцше даетъ полную свободу личности, ставитъ эту личность на пьедесталъ, и потому, конечно, быть его ученикомъ и легче, и пріятнѣе. Болѣе сильные въ количествен-

номъ отношеніи индивидуалисты, однако, до сего времени были неизмѣримо слабѣе въ качественномъ. Гг. Мережковскій, Минскій, Волынскій и др. говорили много, пожалуй, смѣло, но далеко не сильно. Среди нихъ не находилось яркаго, свѣжаго таланта, который могъ бы увлекать, который бы живымъ сильнымъ и искреннимъ словомъ положилъ конецъ общественному безвременью. Въ результатѣ идеалы подорваны, превратились въ азбуку, всѣмъ извѣстную, безспорную, прописную мораль, а новыхъ, взамѣнъ старыхъ, найдено не было. Типичный и вполнѣ искренній представитель этого безвременья, г. Вересаевъ считаетъ это отсутствіе всепоглащающей идеи, отсутствіе горячихъ убѣжденій, познанія смысла жизни явленіемъ вполнѣ характеризующимъ наше время. Толстовцы, народники, марксисты—все это люди, унаслѣдовавшіе свои воззрѣнія, принявшіе ихъ въ совершенно готовомъ видѣ. Одни изъ нихъ постарались проникнуться этими воззрѣніями и прониклись, другіе и до сихъ поръ стараются сдѣлать это, но не могутъ, такъ какъ «постараться повѣрить», если этой самой вѣры нѣтъ, трудно, а сказать свое слово не могутъ, такъ какъ нѣтъ этого слова. Г. Вересаевъ ясно видитъ безпомощность нашего «юнаго племени», не могущаго сказать своего слова и въ то же время не удовлетворяющагося старыми авторитетами. «Все теперешнее поколѣніе, говоритъ отъ его лица докторъ въ разсказѣ «Безъ дороги»,

переживаетъ то же, что я; у него ничего нѣтъ,— въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, оно гибнетъ невидно и безповоротно... Посмотрите на теперешнюю литературу — развѣ это не литература мертвецовъ, отъ которыхъ ничего уже нельзя ждать? Безвременье придавило всѣхъ, и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ-подъ его власти...».

X.

Вотъ какой моментъ переживаетъ въ данную минуту русское общество. Понятно, что неожиданно для всѣхъ появившіеся «безпокойные люди» Горькаго съ ихъ смѣлымъ, живымъ и яркимъ словомъ должны были произвести на насъ весьма сильное впечатлѣніе. Они, по отношенію къ человѣку безвременья, сложившемуся подъ постояннымъ гнетомъ условій нашей тоскливой эпохи, были тѣми дикими гусями, которые, въ чудномъ стихотвореніи Мопассана, заставили заволноваться мирныхъ домашнихъ гусей. Дикіе гуси летятъ высоко подъ небесами, стремительной чертой.

А братья ихъ въ плѣну бредутъ неторопливо,
Качаясь медленно, какъ грузныя суда,
Оборванный пастухъ, свистя, пасетъ лѣниво
По доламъ и лугамъ ихъ дикія стада.
Но крикъ пролетныхъ птицъ до слуха ихъ донесся,
И, взоръ насторожив, наверхъ они глядятъ,

Туда, гдѣ вольныхъ птицъ воздушный станъ пронесся...
И рвутся плѣнники, и улетѣть хотятъ.
Крылами слабыми они безсильно плещутъ
И, ноги вытянувъ, стремясь на вольный зовъ,
Тоскою смутною они уже трепещутъ,
Свободой дикою невѣдомыхъ годовъ...
И жаждутъ теплыхъ странъ воздушнаго стремленья
По снѣжнымъ пажитямъ смятенные бѣгутъ
И братьевъ кликами тоскливыми зовутъ...
И долго слышны ихъ унылыя моленья.

Произошло нѣчто подобное тому, что случилось въ искренно написанномъ разсказѣ Горькаго: «О чижѣ, который лгалъ и о дятлѣ—любителѣ истины». Раздался свѣжій смѣлый голосъ и все оживилось, нашлись люди, которые почувствовали, что подъ вліяніемъ смѣлыхъ пѣсенъ въ ихъ сердцахъ родилось «страстное желаніе жизни и счастья». Нашлись, впрочемъ, и «любители истины», которые «съ фактами въ рукахъ» употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы доказать ложную основу увлекательныхъ пѣсенъ.

Споры, вызванные этими пѣснями и ведущіеся въ настоящее время вездѣ и всюду, споры—конечно, совершенно безплодные. Ни та, ни другая сторона не понимаетъ, да и не можетъ понять другъ друга. Если вы спросите — почему, я отвѣчу ссылкой на поэтическій разсказъ Горькаго «Пѣсня о соколѣ». Пѣсня эта содержитъ въ себѣ небольшой діалогъ между ране-

нымъ соколомъ и ужомъ. Ужъ рѣшительно не понимаетъ свободолюбиваго стремленія птицъ къ небу. Послѣ разговора съ соколомъ, съ восторгомъ говорившимъ на эту тему, онъ свертывается клубочкомъ, подпрыгиваетъ и сейчасъ же падаетъ.

«Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо,—говоритъ ужъ.—Она въ паденьи. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу»...

«Рожденный ползать,—говоритъ по этому поводу разсказчикъ, — летать не можетъ». Вотъ простой, но ясный отвѣтъ на вопросъ о причинѣ постоянныхъ споровъ между людьми спокойными и людьми безпокойными. Самъ Горькій не заблуждается относительно конечныхъ результатовъ постояннаго стремленія въ высь людей безпокойныхъ. Онъ знаетъ, что для большинства, если не для всѣхъ, полеты эти оканчиваются паденіемъ, что паденіе это сопровождается ужасными страданіями, часто смертью. Раненый соколъ, желая послѣдній разъ насладиться ощущеніемъ свободнаго смѣлаго полета, бросился съ утеса въ пропасть и разбился. Онъ погибъ, но это неважно, а важно то, что свою жизнь провелъ онъ свободно, а по смерти сталъ «живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ и свѣту». Неважно также, что многіе

будутъ искать свѣта не тамъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ, и, въ концѣ концовъ, погибнутъ. «Пускай, — говоритъ alter ego Горькаго, — не нужно имъ мѣшать, не стоитъ ихъ жалѣть — людей много! Важно стремленіе, важно желаніе души найти Бога, и если въ жизни будутъ души, охваченныя стремленіемъ къ Богу, Онъ будетъ съ ними и оживитъ ихъ, ибо онъ есть безконечное стремленіе къ совершенству».

Пусть это будетъ романтизмъ, пусть написанные Горькимъ безпокойные люди, съ ихъ безконечнымъ стремленіемъ къ совершенству, нѣсколько прикрашены и не такъ хороши въ дѣйствительности, какъ въ повѣстяхъ и разсказахъ. Это неважно. Сѣренькое безвременье, переживаемое нами въ настоящую минуту, требуетъ героевъ, требуетъ хотя бы маленькаго, возвышающаго душу обмана, который оторвалъ бы насъ хоть на время отъ тьмы низкихъ истинъ, слишкомъ ужъ намъ извѣстныхъ и почти засосавшихъ насъ. Нельзя ограничиваться указаніемъ на то, какъ мы дурны, и не показать, что мы можемъ быть лучше. Необходимо поднять упавшій духъ хотя бы сказкой, возбудить дѣятельность нервовъ мускусомъ. Правъ Горькій, когда говоритъ, что мы снова хотимъ грезъ, красивыхъ вымысловъ, мечты и странностей... Именно снова. Мы переживаемъ теперь одинъ изъ тѣхъ тусклыхъ и сѣренькихъ періодовъ общественной дремоты, которую когда-то развѣ-

вали Марлинскій, Полевой, когда будили общество Печорины, Рудины и другіе романтики. Задача очень нелегкая. Нелегко въ самомъ дѣлѣ одушевить бездушныхъ, возбудить жажду жизни, жажду свѣта въ людахъ, смятыхъ этой самой жизнью и потерявшихъ вкусъ къ ней. Нужно обладать самому большимъ энтузіазмомъ, огромнымъ запасомъ силъ, энергіи и любви для того, чтобы передать часть всего этого милліонамъ людей. Эту нелегкую задачу взялъ на себя Горькій и, какъ мы видѣли выше, выполнилъ ее какъ нельзя лучше. Своими разсказами, своими героями съ романтической окраской онъ вызвалъ вновь горячіе споры, заставилъ людей заволноваться, закопошиться, заговорить. А это уже большая заслуга сама по себѣ, и я думаю, нисколько не ошибусь, если скажу, что всѣ мы, закрывая сѣренькіе томики разсказовъ Горькаго, не разъ повторяли себѣ слова Лежнева о Рудинѣ. «Въ немъ есть энтузіазмъ, а это—самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыполнимо разсудительны, равнодушны и вялы. Мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ». И если бы кто-нибудь возразилъ, какъ это сдѣлалъ Рудинъ, что все это хотя и красивыя, но все-таки не болѣе, какъ слова, то на это можно отвѣтить такъ же, какъ отвѣтилъ Рудину тотъ же Лежневъ: «Да, слова, но доброе слово—тоже дѣло».

XI.

Безспорно, что во всѣхъ произведеніяхъ Горькаго, начиная съ его маленькихъ разсказовъ и кончая большими повѣстями, красной нитью проходитъ это «доброе слово», искреннее желаніе влить людямъ огня въ жилы, расшевелить этихъ домашнихъ гусей, заставить ихъ полюбить настоящую, чуждую пошлости, хорошую жизнь и вытащить ихъ изъ той ямы, въ которую они совершенно добровольно себя заключили. Говорить объ озлобленности и эгоизмѣ писателя можетъ только человѣкъ, слишкомъ поверхностно вникающій въ его произведенія. Горькій, правда, не скрываетъ подъ-часъ своей ненависти и своего презрѣнія къ жалкимъ и дряблымъ людишкамъ, онъ прямо говоритъ, что онъ ненавидитъ ихъ, но ненавидитъ ихъ за то, что они такіе пошлые, дрянные, что, благодаря имъ, беретъ засиліе все дурное, что они не могутъ даже, подобно Чеховскому герою, выразить своего протеста при видѣ «торжествующей свиньи»... Для того, чтобы вспыхнуть такимъ яркимъ гнѣвомъ, какъ вспыхнулъ Горькій, нужно слишкомъ сильно и горячо полюбить человѣка самого по себѣ, слишкомъ искренно пожелать вытащить его наверхъ со дна и избавить отъ той пошлости, которую онъ, незамѣтно для себя, всосалъ чуть ли не съ молокомъ матери.

Какъ, однако, этого достигнуть? Горькій, какъ писатель молодой, искренній, нисколько не скрываетъ того, что онъ находится самъ въ періодѣ исканій, и потому ни къ какому окончательному выводу еще не пришелъ. Да и отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ то уже просто. Спросить: «учителю, что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую», гораздо легче, чѣмъ на него отвѣтить. Многіе изъ безпокойныхъ героевъ Горькаго, преимущественно его первыхъ произведеній, разрѣшали этотъ вопросъ указаніями на прелести свободной, независимой, бродяжьей «птичьей» жизни. Горькій сознается, что и онъ самъ отъ поры до времени только и спасалъ себя такой жизнью, только въ ней и находилъ успокоеніе.

Не говоря уже о томъ, что такой отвѣтъ на вопросъ «что сотворю» являлся въ значительной мѣрѣ эгоистичнымъ, онъ въ то же время и не могъ имѣть универсальнаго значенія. Такимъ путемъ можно спасти нѣсколькихъ, весьма немногихъ, но далеко нельзя его рекомендовать не только всѣмъ, но даже большинству рода человѣческаго. Люди «птицы» могутъ существовать только при людяхъ осѣдлыхъ, въ потѣ лица своего добывающихъ хлѣбъ свой. Иначе некому будетъ добывать тотъ хлѣбъ, безъ котораго не могутъ же обойтись странники. Уже герой разсказа «Проходимецъ», забравшись ночевать подъ амбаръ, нашелъ тамъ такого же, какъ самъ онъ,

любителя свободной «птичьей» жизни. Ясно, что чѣмъ больше найдется такихъ любителей, тѣмъ меньше останется мѣста для ихъ созерцательно-привольнаго существованія, тѣмъ меньше останется гостепріимныхъ «мужиковъ», дающихъ хлѣбъ и кровъ. Бродяжья «птичья» жизнь являлась прекраснымъ свѣтлымъ фономъ, на которомъ особенно ярко отражались грязныя пятна пошлаго существованія огромнаго большинства, такая жизнь могла дать успокоеніе нѣкоторымъ изъ мятущихся, подобно Ѳомѣ Гордѣеву или Михаилу Щурову, но, несомнѣнно, нельзя было видѣть въ ней конечной цѣли стремленія всего человѣчества. Во что, въ самомъ дѣлѣ, превратилась бы жизнь на землѣ, если бы она наполнилась благодушными, нежадными, сведшими свои потребности до minimum'а, восхищающимися природой перипатетиками? Земля превратилась бы въ птичникъ или огромный звѣринецъ, и не думаю, чтобы пошлость существованія этихъ двуногихъ птицъ была меньше пошлости, царящей при настоящемъ порядкѣ и такъ волнующей какъ Горькаго, такъ и его безпокойныхъ героевъ. Горькій понялъ, что выведя людей въ пустыню, для новой жизни, нужно все-таки создать тамъ лучшую, новую организацію, при которой человѣку можно было бы сказать, подобно учителю въ разсказѣ: «Ошибка»—«твори» и быть увѣреннымъ, что слово это не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Я думаю, что имѣю право говорить о колебаніяхъ Горькаго въ этомъ именно направленіи, такъ какъ въ его произведеніяхъ, особенно послѣдняго времени, чрезвычайно ярко сказывается это исканіе положительнаго типа, типа, который бы созидалъ, не ограничиваясь однимъ будораженіемъ людей, а чуть ли не самъ тянулъ ихъ къ высшей цѣли. Литературной вѣхой въ этомъ направленіи можетъ служить незаконченный Горькимъ романъ «Мужикъ», гдѣ, какъ уже было отмѣчено выше, архитекторъ Шебуевъ выступаетъ съ цѣлой программой того пути, по которому онъ намѣренъ вывести оставленныхъ имъ «на днѣ» своихъ товарищей. Программа эта, сбившаяся на давнишній шаблонъ, не принесшій до сихъ поръ никакихъ особенно осязательныхъ результатовъ, не понравилась Горькому и онъ забраковалъ ее, лишивъ Шебуева весьма почетной роли человѣка, желающаго вести за собою другихъ. Повидимому, съ Шебуевымъ Горькій покончилъ совершенно. Въ теченіе трехъ лѣтъ, прошедшихъ со дня его дебюта, Горькій написалъ «Мѣщанъ», повѣсть «Трое» и пьесу «На днѣ», но ни въ одной изъ нихъ мы не видимъ Шебуева.

Неудача Шебуева, однако, не упразднила желанія Горькаго дать положительный типъ, и намеки на него мы видимъ уже въ повѣсти «Трое». Эмбріономъ его является здѣсь старикъ, старьевщикъ Еремѣй, умѣвшій, подобно Шебуеву, въ каж-

домъ человѣкѣ найдти хорошія стороны, разбудить это хорошее и этимъ поддержать падающій духъ въ каждомъ, кто только съ нимъ приходилъ въ соприкосновеніе. Слушая увѣренныя и любовныя рѣчи старика о Богѣ и правдѣ жизни, въ сердцѣ каждаго слушателя вспыхивало бодрое и крѣпкое чувство надежды на что-то лучшее, являлось желаніе и самому стать лучшимъ. Этотъ старикъ глубоко и искренно вѣрилъ, что человѣкъ, самъ по себѣ въ своей сущности—нѣчто весьма высокое и, что всѣ дурныя его свойства являются чѣмъ-то наноснымъ, постороннимъ. Кузнецъ, убившій свою невѣрную жену, вызываетъ у всѣхъ общее негодованіе и осужденіе. Одинъ Еремѣй видитъ въ немъ несчастнаго и подходитъ къ нему съ прощеніемъ и лаской.

— «Развѣ онъ убилъ? — таинственно и тихо пояснялъ Еремѣй.—Черная сила это, она это! Человѣкъ человѣка не можетъ убить... Человѣкъ — добро, онъ Богоносецъ... Не онъ убиваетъ, неправда это, люди добрые!»

Своему молодому спутнику Ильюшѣ онъ рекомендуетъ поменьше обращать вниманія на творящуюся вокругъ него неправду и побольше искать правды.

— «Мы,—говорилъ онъ,—неправду всегда видимъ, а правды найти не умѣемъ. Я вотъ, видишь, жилъ-жилъ, глядѣлъ, глядѣлъ,—столько неправды видѣлъ — сосчитать невозможно! А правды не видалъ. Восьмой десятокъ мнѣ по-

шелъ, однако... И не можетъ того быть, чтобы за такое большое время не было правды около меня на землѣ-то... А я не видалъ, не знаю ее...»

И вотъ Еремѣй ищетъ этой правды въ лучшихъ чертахъ каждаго отдѣльнаго человѣка, а разъ открывъ эти черты, старается ихъ всячески поддержать. Вся его жизнь одухотворена одной конечной цѣлью—накопить денегъ и выстроить храмъ, потому что «нужно людямъ Божьи храмы имѣть», потому что «одно убѣжище намъ у Бога».

Въ этой конечной цѣли, поставленной себѣ тряпичникомъ Еремѣемъ, слышится нотка Шебуевской программы, но несомнѣнно Еремѣй сильно отличается отъ Шебуева хотя бы уже ноткой непротивленія злу, которой совсѣмъ нѣтъ у «Мужика»—архитектора, каждую минуту годоваго вступить въ активную борьбу за осуществленіе своихъ цѣлей.

Старьевщикъ Еремѣй — играетъ въ повѣсти «Трое» лишь эпизодическую роль, выступаетъ между прочимъ. На центральное мѣсто онъ становится лишь въ пьесѣ «На днѣ». Незамѣтно, съ скромной котомкой въ рукахъ, Еремѣй, въ видѣ Луки, входитъ въ среду бывшихъ людей, входитъ просто, спокойно, безъ высокомѣрія или осужденія.

— «Я,—съ перваго же слова заявляетъ имъ Лука,—и жуликовъ уважаю; по моему, ни одна блоха—не плоха: всѣ—черненькія, всѣ—прыгаютъ... Такъ-то».

И не проходитъ нѣсколькихъ дней, какъ этотъ скромный старичекъ, встрѣченный не безъ ироніи всѣми обитателями «дна», не только завоевываетъ общія симпатіи, но будоражитъ всѣхъ, отрезвляетъ, заставлятъ стать лучше.

— «Старикъ,—поясняетъ впослѣдствіи одинъ изъ этихъ обитателей, Сатинъ,—подѣйствовалъ на меня, какъ кислота на старую монету».

И дѣйствительно, на пространствѣ всей пьесы передъ зрителемъ совершается процессъ химической чистки человѣка. Лука, глубоко вѣрующій въ то, что «человѣкъ можетъ добру научить», что «во время человѣка пожалѣть—хорошо бываетъ», что необходимо заставить этого человѣка уважать себя, и что человѣкъ «все можетъ», подходитъ къ каждому изъ обывателей «дна» съ словомъ утѣшенія, нѣсколькими ласковыми словами соскабливатъ съ него грязь и добивается, въ концѣ-концовъ, первоначальнаго, утраченнаго человѣкомъ блеска. Вотъ умираетъ «раба Божія Анна», жена слесаря Клеща. Вся жизнь ея прошла въ томъ, что она не доѣдала, не допивала, не выходила изъ побоевъ мужа. Ея жизнь—сплошное мученье. И, однако же, подъ впечатлѣніемъ ласковаго разсказа Луки о томъ покоѣ, который ждетъ ее послѣ смерти, она готова забыть свое ужасное прошлое, примиряется съ жизнью до такой степени, что готова «еще немножко... пожить» и ждетъ смерти уже совершенно спокойно.

Актеръ-алкоголикъ убѣжденъ, что онъ ужэ человѣкъ безвозвратно погибшій и что ему нѣтъ возврата къ прежнему, хорошему, что онъ такъ любилъ и о чемъ не могъ забыть и до сихъ поръ. Лука подмѣчаетъ въ немъ эту хорошую струнку и принимается за чистку, убѣждая его взять себя въ руки, приняться за работу и начать жить «снова».

— «Да могу ли я?»—съ недовѣрчивой радостью спрашиватъ актеръ.

— «А чего?—увѣренно говоритъ Лука,—человѣкъ—все можетъ... Лишь бы захотѣлъ...»

И актеръ уходитъ, убѣгаетъ отъ Луки въ восторгѣ, воспрянувъ духомъ, съ горячимъ желаніемъ начать снова жизнь, убѣжденный въ возможности подняться со дна.

Та же исторія съ воромъ Пепломъ. Этотъ озлобленный воръ-циникъ, который съ дѣтства привыкъ встрѣчать къ себѣ лишь злобное и подозрительное отношеніе людей, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ разговоровъ съ Лукою, становиться его адептомъ, начинаетъ уважать себя, выражаетъ желаніе стать на новую хорошую дорогу.

— Я, — заявляетъ онъ, — не каюсь... Въ совѣсть я не вѣрю... Но я одно чувствую: надо жить иначе! Лучше надо жить! Надо такъ жить... чтобы самому себя можно мнѣ было уважать...

Сатинъ совершенно вѣрно назвалъ Луку дрожжами, которые, попавъ въ этотъ пріютъ быв-

шихъ людей, проквасили этихъ людей, заставили ихъ подняться вверхъ, забурлить, возбудили въ нихъ доброе, хорошее броженіе.

Въ чемъ же, однако, секретъ Луки? Какъ онъ могъ достичь такихъ результатовъ въ средѣ, которая сама себя не позволяла смѣшивать съ другими людьми, считала себя пронащей? «Очень просто»,—отвѣчаетъ на это Лука.—Онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что люди вмѣстѣ и каждый человѣкъ въ отдѣльности,—«все хотятъ какъ лучше, все «ищутъ», а «кто ищетъ—найдетъ, кто крѣпко хочетъ—найдетъ».

— «Они,—убѣжденно говоритъ Лука, придумаютъ! Помочь только надо имъ, уважать надо...»

Самъ Лука искренно уважаетъ всякое такое стремленіе къ лучшему и старается поддержать каждую искру, не успѣвшую еще погаснуть, стараясь раздуть ее въ костеръ.

«Погибшее созданье» Настасья находитъ себѣ, при своемъ позорномъ ремеслѣ, отраду въ чтеніи романтической книжки «Роковая любовь» и настолько горячо увлекается благородными героями этого произведенія, что сама себя воображаетъ героиней и любитъ разсказывать своимъ сожителямъ эту исторію, замѣняя героиню собой, разсказывая о себѣ то, чего съ нею никогда не было и что она вычитала въ любимой книжкѣ. Всѣ это знаютъ, смѣются надъ ней и доводятъ ее своимъ недовѣріемъ до изступленія.

— «Дѣдка,—убѣждаетъ Баронъ выразившаго Настасьѣ сочувствіе Луку. — Ты думаешь, это правда? Это все изъ книжки «Роковая любовь»... Все это—ерунда! Брось ее!..»

Но Лука на этотъ вопросъ смотритъ иначе.

— «А вы погодите,—мягко говоритъ онъ!— Вы—не мѣшайте! Уважьте человѣку... не въ словѣ дѣло, а—почему слово говорится? Вотъ въ чемъ дѣло...»

Лука старается поддерживать этотъ возвышающій дѣвушку хорошій самообманъ. Обезкуражить человѣка нетрудно. Нетрудно довести его до отчаянія постояннымъ указаніемъ на его темныя стороны, на его пошлость. Лука искренно убѣжденъ въ великомъ значеніи вѣры въ себя, въ свои силы. Повѣритъ человѣкъ, что онъ подлецъ, и будетъ подлецомъ, даже рисоваться этимъ станетъ. Увѣренъ человѣкъ въ своемъ безсиліи и онъ даже не возьмется за дѣло, превратится въ дряблаго тяжелаго для себя и другихъ нытика. Убѣждая Наташу выйдти замужъ за Пепела, Лука доказываетъ, что ей нечего страшиться его прошлаго, нечего бояться того, что до сихъ поръ онъ былъ воромъ и некудышнымъ человѣкомъ.

— «Онъ,—говоритъ Лука,—парень ничего,— хорошій. Ты только почаще напоминай ему, что онъ хорошій парень, чтобы онъ, значитъ, не забывалъ про это! Онъ тебѣ повѣритъ... Ты только

поговаривай ему: Вася, молъ, ты—хорошій человѣкъ... не забывай!..»

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что Лука—обыкновенный моралистъ, въ смыслѣ Акима изъ «Власти Тьмы». Акимъ—догматикъ, онъ имѣетъ готовыя правила морали и этими правилами какъ мѣткою мѣтитъ, диктуетъ ихъ, не сообразуясь съ индивидуальностью приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе людей. Лука не имѣетъ этихъ правилъ, и, какъ опытный врачъ, на каждый отдѣльный случай ищетъ спеціальнаго лекарства, примѣнительно къ человѣку. Онъ не учитъ, а лечитъ, и съ этой точки зрѣнія готовъ поступиться даже такъ называемой «правдой».

— «Она, правда-то,—говоритъ Лука, не всегда по недугу человѣку... не всегда правдой душу вылечишь...»

Лука врачъ - гомеопатъ, своего рода гипнотизеръ. И потому-то онъ такъ сильно будоражитъ все населеніе опустившихся на дно людей и даже не подозрѣвавшихъ о томъ, что у нихъ есть еще хорошія, дѣйствительно человѣческія черты, что они еще уважать себя могутъ.

Въ этомъ отношеніи Лука удивительно напоминаетъ старца Зосиму въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Безспорно это два типа, находящихся другъ съ другомъ въ близкомъ родствѣ. Припомните бесѣды Зосимы съ «вѣрующими бабами» и особенно съ одной вдовой, убившей своего мужа-

:а и потомъ всю жизнь страдавшей отъ
зъ совѣсти. Зосима не выступилъ съ облиъ ея, а постарался, по возможности, парать это случайное преступленіе, эту ган-
. подтачивавшую совершенно здоровый и
ный организмъ.

«Ничего не бойся.--говорилъ ей Зосима,—и
да не бойся, и не тоскуй. Только бы по-
е не оскудѣвало въ тебѣ—и все Богъ про-
ь. Да и грѣха такого нѣтъ и не можетъ
на всей землѣ, какого бы не простилъ Го-
ь въ истинѣ кающемуся. Да и совершить не
тъ совсѣмъ такого грѣха великаго человѣкъ,
рый бы истощилъ безконечную Божію лю-
.

ука, навѣрное, высказался бы къ такомъ же
о смыслѣ. И у Луки и у Зосимы одинаково
ны любовь и уваженіе къ человѣку, какъ
таковому. Старьевщикъ Еремѣй, первообразъ
и, не осудилъ убившаго жену кузнеца, даже
такой моментъ, когда тотъ не успѣлъ еще
аружить раскаянія. «Человѣкъ человѣка не
етъ убить»,—въ этомъ глубоко убѣждены
мѣй, Лука и Зосима Достоевскаго, и это убѣ-
еніе проистекаетъ изъ высокаго представленія
человѣкѣ, какъ вѣнцѣ творенія, существѣ выс-
мъ, передъ которымъ въ перспективѣ стоятъ
сокія и хорошія задачи.

XII.

Въ чемъ же, однако, эти задачи, изъ-за чего хлопочетъ Лука? На эту тему у него былъ разговоръ съ Сатинымъ, который, наблюдая, какъ Лука будоражитъ вокругъ него народъ, въ концѣ концовъ, поинтересовался узнать у него, зачѣмъ живутъ люди. Луку этотъ вопросъ не засталъ врасплохъ и онъ отвѣтилъ:

— «А для лучшаго люди живутъ, милочекъ! Вотъ, скажемъ живутъ столяры и все—хламъ народъ... И вотъ отъ нихъ рождается столяръ... такой столяръ, какого подобнаго и не видала земля; всѣхъ превысилъ и нѣтъ ему въ столярахъ равнаго. Всему онъ столярному дѣлу свой обликъ даетъ... и сразу дѣла на двадцать лѣтъ впередъ дѣлаетъ... Такъ же и всѣ другіе... слесаря, тамъ... сапожники и прочіе рабочіе люди... и всѣ крестьяне... и даже господа—для лучшаго живутъ! Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, а оно выходитъ, что для лучшаго! По сту лѣтъ... а, можетъ быть, и больше «для лучшаго человѣка» живутъ... Всѣ, милочекъ, всѣ, какъ есть, для лучшаго живутъ! Потому-то всякаго человѣка и уважать надо... неизвѣстно вѣдь намъ, кто онъ такой, зачѣмъ родился и чего сдѣлать можетъ... Можетъ онъ родился-то на счастье намъ... для большой намъ пользы?.. Особливо же, дѣтокъ надо уважать... ребятишекъ!

ебятишкамъ просторъ надобенъ! Дѣткамъ-то ить не мѣшайте... Дѣтокъ уважьте!..

И Сатинъ прекрасно понялъ значеніе миссіи Луки. Вдумчивый и умный, онъ понялъ, что Лука стремится пробудить въ каждомъ человѣкѣ его лучшія стороны, реставрировать даже «бывшихъ» некудышныхъ людей, поднять ихъ и создать нѣчто великое, нѣчто огромное, создать нѣчто въ родѣ всечеловѣка, о которомъ мечталъ еще Достоевскій, создать «лучшаго человѣка». Этотъ новый человѣкъ рисуется у Горькаго какимъ-то великимъ существомъ.

— «Это,—говоритъ о немъ Сатинъ,—не ты, не я, не они... нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ! Понимаешь? Это— огромно! Въ этомъ всѣ начала и концы... Все— въ человѣкѣ, все для человѣка! Существуетъ только человѣкъ, все же остальное — дѣло его рукъ, его мозга! Чело-вѣкъ! Это великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Че-ловѣкъ! Надо уважать человѣка! Не жалѣть... не унижать его жалостью... уважать надо. Выпьемъ за человѣка, Баронъ!..»

Вотъ на какой гимнъ человѣку вдохновилъ Сатина Лука своей проповѣдью уваженія къ лучшимъ человѣческимъ чертамъ. Вотъ та задача, которую ставилъ Лука конечной цѣлью своего исканія людей даже въ мусорныхъ помойныхъ ямахъ. Для возсозданія такого гиганта, такой равнодѣйствующей, очевидно, нужно сложить въ одну много силъ человѣческихъ, много ихъ нужно

розыскать и не брезгать даже слабыми, некудышными, у которыхъ, не смотря на всѣ ихъ недостатки, можетъ тлѣть искра Божія.

Это дѣйствительно гораздо болѣе грандіозно, чѣмъ знаменитый сверхъ-человѣкъ Ницше. Между тѣмъ и другимъ огромная разница, наглядно показывающая, какъ ошиблись всѣ тѣ, кто считалъ Горькаго простымъ подражателемъ Ницше, исполненнымъ эгоизма и жестокости. Его сверхъ-человѣкъ или, вѣрнѣе, все-человѣкъ, «лучшій человѣкъ», не намѣренъ шагать по костямъ слабыхъ, не считаетъ возможнымъ принимать въ жертву себѣ людей болѣе слабыхъ, чѣмъ онъ. Этотъ все-человѣкъ дорожитъ каждымъ человѣкомъ, вѣритъ, что каждый, даже самый плохой «потерянный» хранитъ въ себѣ огромныя цѣнности, находящіяся въ скрытомъ состояніи. Онъ смотритъ на грязненькія человѣческія существа по которымъ, не смущаясь прошелъ бы ницшеанскій сверхъ-человѣкъ, какъ на грязный, черный уголь въ электрической лампочкѣ. Онъ знаетъ, что стоитъ только повернуть выключатель, и этотъ уголекъ вспыхнетъ яркимъ свѣтомъ, который разгонитъ далеко окружающій его мракъ. Нельзя топтать въ грязь эти угольки только потому, что они малы и незначительны. Съ ними нужно обращаться бережно, такъ какъ только, при большомъ ихъ накопленіи, можно ярко освѣтить жизнь и достигнуть созданія того грандіознаго колосса, мечты о которомъ навѣялъ Сатину скромный и

тихій Лука, мирно расхаживающій теперь по всей Россіи.

Не правда ли, какая огромная разница между программой Горькаго и программой Ницше?!

Несомнѣнно, и сверхъ-человѣкъ Ницше можетъ возбуждать въ людяхъ творческія силы, можетъ заставить людей потянуться вверхъ, поискать счастья, но это будетъ возбужденіе не продуктивное, возбужденіе, которое я позволю себѣ назвать лотерейнымъ. Бѣднякъ напрягаетъ всѣ свои силы, собираетъ послѣдніе гроши и, въ надеждѣ выиграть 200.000 рублей, покупаетъ билетъ,—вѣнецъ его физическаго и нравственнаго напряженія. Своимъ трудомъ, своими грошами онъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ другими бѣдняками, складываетъ грандіозную сумму, которая и попадетъ въ руки сверхъ-счастливцу, совершенно игнорирующему даже незнающему другихъ стремившихся къ этой же цѣли бѣдняковъ. Этимъ послѣднимъ приходится изображать собой мостъ для сверхъ-человѣка и мириться со своей скромной долей служебнаго матеріала. Понятно, что проповѣдь такого сверхъ-человѣчества можетъ поднять людей въ высь лишь на нѣсколько моментовъ и слишкомъ уже дорого обходится человѣчеству, оплачивается слишкомъ большимъ числомъ слабыхъ силъ.

Все-человѣкъ Горькаго не требуетъ жертвъ. Онъ будоражитъ людей, зоветъ ихъ къ творчеству, отскабливаетъ все, что въ нихъ есть лучшаго, и, въ концѣ концовъ, дѣлаетъ каждаго участ-

никомъ своего все-человѣчества, каждаго, у кого только вспыхнетъ искра человѣческаго огня, беретъ къ себѣ наверхъ, никого не принося въ жертву, никого не топчетъ ногами.

Однако, здѣсь напрашивается само собой возраженіе. Актеръ, котораго Лука лечилъ и возбуждалъ къ жизни новой, повидимому, не пожелалъ войти въ составъ этого грандіознаго все-человѣка и, въ концѣ концовъ, «испортилъ пѣсню» — повѣсился. Не думаю, чтобы это возраженіе, дѣйствительно нѣсколько портящее пѣсню, сложенную Лукой, портило ее совершенно.

Да, актеръ не выдержалъ и погибъ.

Слишкомъ ужъ, значитъ, слабъ былъ, слишкомъ обезсилѣлъ его организмъ въ жизненной борьбѣ. Лука не чудотворецъ, который пересоздаетъ людей и воскрешаетъ мертвыхъ. И Горькій, намѣчая этотъ новый путь реставраціи людей, поступилъ, какъ истинный художникъ, заставивъ «бывшихъ людей» заволноваться, но не показавъ ихъ намъ въ обновленномъ видѣ, въ новой жизни. Это было бы слишкомъ ужъ програмно и, не рально.

— «Во время человѣка пожалѣть—хорошо бываетъ», все время говоритъ Лука.

Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, претендовать на хирурга, котораго приглашаютъ сдѣлать операцію въ послѣдній моментъ, когда гангрена разлилась уже по всему организму и когда его помощь безполезна. Лука, такъ же какъ и Шебуевъ, изъ своего знакомства съ гангренозными нашего обще-

ства, «бывшими» людьми, упавшими на «дно» жизни, только потому, что ихъ во время не поддержали, вынесъ глубокое убѣжденіе, что даже на этомъ днѣ «сверкаютъ на солнцѣ неоцѣнимые алмазы великодушія, ума, героизма», что и тамъ есть любовь, и тамъ красота, въ крупицахъ, малыхъ зернахъ, но есть. Во-время перенести эти зерна на солнце и они расцвѣтутъ, вырастутъ въ огромное дерево!..

Все это, конечно, такъ, все это величественно, все это красиво, но не могу не признаться, что каждый разъ, какъ только въ моемъ воображеніи вырисуется этотъ великій «лучшій человѣкъ», невольно откуда-то сейчасъ же на ряду съ нимъ становится Сатинъ, возмущенный самоубійствомъ актера.

— «Эхъ,—слышится его негодующій голосъ,— испортилъ пѣсню... дур-ракъ!»

Вслѣдъ за этимъ приходитъ въ голову, что тотъ же Сатинъ, выступивъ съ горячей защитой Луки противъ Барона, въ этой защитительной рѣчи сказалъ нѣчто такое, что заставляетъ видѣть въ Сатинѣ какъ бы сомнѣніе въ осуществимости значенія системы Луки.

— «Онъ вралъ...—говоритъ о Лукѣ Сатинъ,— но — это изъ жалости къ вамъ, чортъ васъ возьми! Есть немало людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему... Я — знаю! я — читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ!.. Есть ложь утѣшительная, ложь примиряющая... ложь оправдывающая ту тяжесть, ко-

торая раздавила руку рабочаго... и обвиняетъ умирающихъ съ голода... Я — знаю ложь! Кто слабъ душой... и кто живетъ чужими соками,— тѣмъ ложь нужна... Однихъ она поддерживаетъ, другіе прикрываются ею... А кто—самъ себѣ хозяинъ... кто независимъ и не ждетъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь — религія рабовъ и хозяевъ. Правда — Богъ свободнаго человѣка!

Эти слова прямо нейдутъ изъ головы и, подрываютъ вѣру въ реальную возможность такого «лучшаго человѣка», невольно заставляютъ думать, что самъ Горькій въ данный моментъ сильно сомнѣвается въ спасительности такого средства, какъ «ложь», какая бы она сама по себѣ ни была. Поддерживая однихъ, эта «ложь» будетъ прикрывать другихъ, послужитъ крѣпостью для «рабовъ и хозяевъ»... Горькій, мнѣ кажется, намѣренно, не желаетъ скрывать своихъ мученій по этому проклятому вопросу. Нарисовавъ красивую величественную грезу въ образѣ Луки, онъ самъ же ее и подрываетъ, самъ показываетъ, что это не больше какъ греза, мечта, что въ дѣйствительности невозможно объединеніе людей, въ огромномъ большинствѣ дряблыхъ, злыхъ, пошлыхъ, завистливыхъ и жадныхъ, на почвѣ добра и альтруизма, въ лицѣ «лучшаго человѣка».

Какъ настоящій правдивый художникъ, Горькій ставитъ людямъ высокій идеалъ, откровенно и ярко рисуетъ создавшуюся въ его воображеніи мечту, но тутъ же говоритъ, что осуществить

ее могутъ далеко не всѣ, и даже вообще сомнѣвается въ возможности ея осуществленія. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, спросятъ, навѣрно, многіе, ставить задачи, завѣдомо зная ихъ неосуществимость? На этотъ вопросъ уже отвѣтилъ графъ Л. Н. Толстой, которому задавали его весьма многіе по поводу его «Крейцеровой сонаты». «Какъ есть два способа указанія пути путешественнику», пишетъ Толстой въ своемъ извѣстномъ «Послѣсловіи», такъ есть два способа нравственнаго руководства для ищущаго правды человѣка. Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что человѣку указываются предметы, долженствующіе встрѣтиться ему, и онъ направляется по этимъ предметамъ.

«Другой способъ состоитъ въ томъ, что человѣку дается только направленіе по компасу, который человѣкъ несетъ съ собой и на которомъ онъ видитъ всегда одно неизмѣнное направленіе, и потому, всякое отклоненіе отъ него. Первый способъ руководства есть способъ внѣшнихъ опредѣленій правилъ: человѣку даются опредѣленные признаки поступковъ, которыхъ онъ долженъ и не долженъ дѣлать.

«Соблюдай субботу, обрѣзывайся, не крадь, не пей хмѣльного, не убивай живого, отдавай десятину бѣднымъ, омывайся и молись пять разъ въ день» и т. под. — таковы постановленія внѣшнихъ религіозныхъ ученій: браминскаго, буддійскаго, магометанскаго, еврейскаго и другихъ. Другой способъ есть способъ указанія

человѣку, никогда недостижимаго имъ совершенства, стремленіе къ которому человѣкъ сознаетъ въ себѣ: человѣку указывается идеалъ, по отношенію къ которому онъ всегда можетъ видѣть степень своего удаленія отъ него.» Этотъ второй способъ графъ Толстой считаетъ особенно вѣрнымъ и единственно возможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда «пловцы удалились отъ берега, и руководствомъ имъ должны и могутъ служить только недостижимыя свѣтила и компасъ, показывающій направленіе».

«Лучшій человѣкъ» Горькаго—такой именно компасъ, такое свѣтило. Ставя его людямъ, «удалившимся отъ берега», Горькій, такъ же какъ и раньше, исходитъ изъ своего глубокаго убѣжденія въ необходимости, чтобы «каждый моментъ бытія имѣлъ свою высокую цѣль» и такой цѣлью онъ ставитъ своего «Лучшаго человѣка». Пусть эта цѣль только греза, только мечта, но

Господа! Если къ правдѣ святой
Міръ дорогу найти не умѣетъ
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой...

Подъ впечатлѣніемъ этого сна, авось расцвѣтится и наша сѣренькая повседневная жизнь, авось если не у всѣхъ, то у весьма многихъ выступятъ наружу лучшія человѣческія черты, которыхъ теперь не видно за подернувшимъ всѣхъ и все, гнетущимъ густымъ туманомъ.

095/00/10.20

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ. Ц. 40 коп.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Антонъ Чеховъ. Критико-біографическій этюдъ.

PG 3465 .B6 1903 C.1
Maksim Gorkii
Stanford University Libraries
3 6105 036 981 616

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

PG 3465 .B6 1903 C.1
Maksim Gorkii
Stanford University Libraries
3 6105 036 981 616

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY L
STANFORD, CALIFOR
94305

PG 3465 .B6 1903 C.1
Maksim Gorkii
Stanford University Libraries
3 6105 036 981 616

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY
STANFORD, CALIFO
94305